

Политологический репортаж

**МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ:
ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ**

***И.М. Клямкин**
Фонд «Либеральная миссия»*

Аннотация: Предлагаем вниманию читателей очередную подборку дневниковых текстов профессора И.М. Клямкина в Фейсбуке. В этом номере представлены записи с мая по август 2018 г. В них автор размышляет о российской политике и ее перспективах после президентских выборов, о стратегии экономического и технологического прорыва, намеченного переизбранным на новый срок главой государства, соотнося эту стратегию с созидательным потенциалом российской государственной системы. Как и в предыдущих заметках, опубликованных нами ранее, И.М. Клямкин много внимания уделяет Украине, происходящим в ней реформам и ее отношениям с Россией. А некоторые резонансные события (голодовка О. Сенцова, имитация украинскими спецслужбами убийства А. Бабченко с его согласия) и реакция на них в российском обществе мотивировали автора на размышления об особенностях морального и политического сознания российских интеллектуалов. Представляет интерес и полемика И.М. Клямкина с А.Н. Илларионовым о некоторых идеях времен горбачевской перестройки в контексте сегодняшних проблем, о соотношении демократии и авторитаризма в процессе посткоммунистических экономических преобразований.

Ключевые слова: Россия, Украина, авторитаризм, демократия, коррупция, *path dependence*, В. Путин, П. Порошенко, О. Сенцов, А. Сокуров.

О Марксе в нашей жизни (5 мая). 200 лет Карлу Марксу. Нет страны, в истории которой ему довелось сыграть более значительную роль, чем в России. И нет страны, в которой эту роль ему пришлось исполнять в более карикатурном виде.

От его имени юридический закон был подчинен закону историческому, т. е. поставлен под надзор идеологии и освобожден от подчиненности праву.

Его труды были объявлены эталоном научности в теории и методе, но метод этот не позволялось применять в исследовании того общества, которое считалось созданным в соответствии с этой теорией. Дабы не соблазнились головы неуместными вопросами вроде того, каким образом производственные отношения могут быть самыми передовыми, а производительные силы, вопреки доктрине, вынуждены их постоянно и безуспешно догонять.

Его сочинения предписывалось изучать, как Закон Божий, что все и делали, но мало кто таким изучением увлекался, и мало у кого после такого изучения что-то оседало в памяти.

Впрочем, кое-чем увлекались. Я имею в виду не школу советского оппозиционного марксизма, представленную Лифшицем, Ильенковым и их учениками, а относительно широкие слои гуманитарной интеллигенции. Увлекались неосмотрительно опубликованными текстами молодого Маркса, где он обличал, с одной стороны, немецкую бюрократию, а с другой — «казарменный коммунизм». Очень похоже было на то, что за окном. Хорошо помню эти тома, которые читал в начале 60-х в библиотеке журфака МГУ — не было в них строчки, которая не была бы чьей-то рукой вдохновенно подчеркнута.

А потом он был решительно и бесповоротно отброшен. Как главный виновник несостоятельности эксперимента, принудительно освященного его именем. Эксперимента, который к его теории имел разве что очень отдаленное отношение. Она не подтвердилась и в тех местах, на которые распространялась, т. е. в странах Запада, но там ее критика сопровождалась живым движением мысли и приращением знания, а в России — методологической и теоретической наготой.

Я не к тому, что в постсоветской России зарубежная критика не прочитана и не усвоена. Прочитана и усвоена, как усвоено и приращенное знание. Но в понимании сегодняшней российской реальности это не продвинуло социальную и политическую мысль дальше, чем во времена научного коммунизма продвигали переводы Гелбрэйта или Фромма.

О «казачестве» (6 мая). В 2014-м известный идеолог альтернативной цивилизации высказался об ее традиционных опорах. Первая, объяснил он, восходит к Государеву Двору XV века, от которого есть пошло российское «военно-служилое государство». С тех пор оно в разных воплощениях существовало всегда, суждено ему возродиться и сегодня. А вторая опора — казачество, без которого выстроить империю тоже не получилось бы. И автор с удовлетворением отмечал, что и эта опора восстанавливается на Донбассе, где исторические и духовные преемники казаков воюют за Россию и русских [О государевом дворе... 2014].

Мне тогда эта надежда на роль казачества в неоимперском проекте очень уж оправданной не показалась, как не кажется и сейчас. А что людей можно отбирать в казаки, назначать казаками и специально готовить их для другой миссии, а именно — для охраны государева двора и разгона уличных протестантов против его политики¹, тогда, насколько помню, не приходило в голову и идеологу альтернативной цивилизации. Осталось подождать, когда этих людей с нагайками и привилегией на незаконное насилие официально поименуют патриотическим и единственно подлинным гражданским обществом, добровольно и безвозмездно противостоящим смутьянам.

О «дремучем охранительстве» (7 мая). Пытаюсь уяснить, что есть «дремучее охранительство», о вредности которого для осуществления технологического и прочих прорывов сказал президент [Владимир Путин вступил в должность... 2018]. То ли оно отличается от охранительства не дремучего, которое полезно, то ли охранительство не может быть не дремучим в принципе. Вот, скажем, телеведущий Соловьев и большинство его постоянных гостей — они охранители? Если нет, то кто? А если да, то дремучие или какие-то другие? И если другие, то какие? Есть о чем подумать, президент будит мысль.

Еще об историософии случайностей (18 мая). Самобытный политический мыслитель сначала написал, что при философском взгляде на вещи все неурядицы и несообразности России производны от исторических случайностей. А теперь конкретизировал свою мысль, объявив фатально случайные беды производными от тотального сумасшествия сверху донизу, оформившегося в виде национальной идеи [Ципко 2018]. То есть, вначале, как можно предположить, был ум, а потом случайно случилось его помутнение. А может, и изначально его случайно не оказалось, а имело место быть первичное безумие. Тут полезны были бы по-

¹ Во время акции протеста в Москве 5 мая 2018 г. казаки при попустительстве полиции избивали протестующих нагайками.

яснения. И еще интересно бы понять, как в этой философии истории случайное всеобщее сумасшествие не детерминирует из раза в раз соответствующие ему сумасшедшие исторические деяния, а сожительствует с наделением и этих деяний статусом беспричинных случайностей? Хорошо бы понять также, сам-то философ с его умом, против безумия восставшим, заброшен в дурдом с протестом тоже по воле случая или под диктовку культурной либо иной детерминации? И предусмотрен ли для него его историософией шанс умалишенными быть услышанным и понятым? Если да, то это новый метод лечения психических заболеваний их обличением. А если нет... А если нет, то историософию российских случайностей — в том числе в ее приложении к политике и публицистике — предстоит еще творчески развивать и углублять.

О предстоящей шестилетке (19 мая). Коллеги просят высказаться о моем понимании намеченного президентского курса во внутренней политике. Понимаю так, что есть намерение сохранить и упрочить альтернативную цивилизацию в том, что касается наличной государственной системы, и выжать из этой системы максимум ее возможностей, дабы во всем другом-прочем рывком приблизиться к стандартам цивилизации, которая не альтернативная. В науке, технологиях, обустройстве транспортной инфраструктуры, образовании, здравоохранении.

Что-то, разумеется, будет сделано — под рывок собираются и выделяются значительные финансовые ресурсы. Может быть, даже немало. Но не больше того, что посилено для бюрократии, которой предстоит стать главным двигателем модернизационного рывка, к чему она плохо приспособлена. Не потому только, что в альтернативной цивилизации этому мешают развитые коррупционные аппетиты (российская политическая власть неспроста озабочилась финансовой оптимизацией и бюджетной дисциплиной), но потому, прежде всего, что мотиваций для модернизации у бюрократии ее природой не предусмотрено. А у тех, у кого предусмотрено, они блокируются тем самым государственным устройством альтернативной цивилизации, которое хотят сохранять и укреплять.

Соединить одно с другим, поручая, скажем, чиновникам развивать конкуренцию между производителями или содействовать технологическим инновациям, разумеется, можно. И плановые задания установить можно. И ввести показатели отчетности, предназначенные для контроля за исполнением заданий и поручений, тоже можно. Отчеты будут. А свободной конкуренции и инноваций не будет. Как, думаю, и обещанного темпа роста ВВП, превышающего рост общемировой. И насчет ожидаемого вхождения России в число пяти крупнейших экономик мира не уверен тоже. Но выделенные на рывок большие деньги будут освоены, и какие-то результаты могут стать заметными.

В послесталинские десятилетия альтернативная цивилизация тоже ведь много тратилась на освоение иноцивилизационных стандартов внешнего обустройства, и люди плоды такой работы замечали. Однако мотивации инновационного саморазвития цивилизации этой в ее советском воплощении создать не удалось, что тоже не оставалось незамеченным и развитию оптимистического самоощущения не способствовало, хотя идеологи и пропагандисты внушить его очень старались. А сейчас в аналогичный период входит, похоже, альтернативная цивилизация в воплощении постсоветском.

О Кудрине (21 мая). Обсуждая мою заметку о начавшейся шестилетке, коллеги вспомнили и о Кудрине². Интересуются, какова его роль в осуществлении намеченного технологического и прочих рывков, и как она соотносится с выдвигавшимися им проектами реформ. Думаю, что почти никак не соотносится. Кудрин считал приоритетной задачей реформирова-

² 21 мая 2018 г. президент В. Путин одобрил предложенную ранее партией «Единая Россия» кандидатуру А. Кудрина на пост председателя Счетной палаты. 22 мая он был назначен на эту должность Государственной Думой.

ние системы государственного управления, без чего рывок полагал сомнительным. Однако его совет, адресованный действующей власти, востребован ею не был. Систему решили не трогать, а использовать ее по максимуму ради форсированного устранения цивилизационных отставаний посредством щедрого бюджетного финансирования многовекторного развития. Но для этого нужны не реформаторы, а чиновники, изыскивающие дополнительные суммы денег в казну, осуществляющие их распределение и контроль за их расходованием для достижения заранее планируемых результатов. В границах этой установки и нашли место Кудрину во главе Счетной палаты, как одному из финансовых оптимизаторов, надзирающим за целевым использованием бюджетных средств и противодействующим их разворовыванию. То есть, вместо реформирования государственной системы ему предложили поучаствовать в улучшении системы, которая есть, в очищении ее от злокачественных наростов, для нее органичных. О том, что рывок к инновационной экономике, требующий иных, чем бюрократические, мотиваций, при этом вряд ли может получиться, Алексей Леонидович и сам не раз давал понять, почему и настаивал на первоочередности реформы государства. Но, видно, передумал, решив послужить отечеству не там и не так, как хочется, но там и так, как высочайше дозволено и предложено.

O path dependence (23 мая). Побывал вчера на российско-германском симпозиуме³, где речь, помимо прочего, шла о посткоммунистической трансформации бывшей ГДР. Немецкие коллеги отмечали, что, несмотря на предшествовавшие огромные финансовые вливания Западной Германии, душевой ВВП в восточных землях на четверть ниже, чем в западных. И другие экономические показатели там тоже хуже. А в начале преобразований восточные немцы, вдохновлявшиеся обещаниями политиков, надеялись, что через 15–20 лет они сравняются с западными. Время прошло, ожидания не оправдались, вера, что могут оправдаться, иссякает, и восточные немцы все больше проникаются ощущением заброшенности на историческую обочину. Что сопровождается повышенным процентом голосующих за радикальную альтернативу статус-кво. В других же странах Восточной Европы, даже экономически самых продвинутых, такой поддержки, как восточные немцы, не знавших, но, как и они, надеявшихся на скорое «превращение в Запад», душевой ВВП еще ниже, и надежды там тоже обрушиваются, чем и вызваны политические сдвиги последних лет в этих странах.

Немецкие коллеги говорили, что все это подтверждает известную теорию *path dependence* (зависимость от предшествующего развития или «эффект колеи»). Но меня тут заинтересовала не столько констатация исторической инерции, сколько феномен политических зигзагов под влиянием несбывшихся ожиданий относительно достижимости чужих стандартов, изначально взятых за образец. Подумал об Украине, об ее европейском маршруте и склонился к мысли, что в обозримом будущем нынешние проблемы восточноевропейцев ее не ждут. Ее проблема — избежать разочарований в достижимости европеизации в ее восточноевропейском, а не западноевропейском воплощении и сопутствующих такому разочарованию политических последствий. А травмированность недосягаемостью западных стандартов даже при успешной европеизации — это, сдастся мне, для украинцев в любом случае если и перспектива, то очень дальняя. Учитывая нынешний исходный уровень экономического развития Украины, они, скорее всего, будут сравнивать себя с поляками, чехами, венграми, литовцами, а не с западными немцами или французами.

Что касается России, то лояльность населения к власти и политическому режиму зависимости от душевого ВВП (более низкого, кстати, чем в большинстве стран Восточной Европы) и каких-либо иноземных стандартов себя не обнаруживает. Поэтому никаких ассоциаций с ней констатации и суждения германских коллег у меня не возбудили.

³ Симпозиум «„Вечный транзит“ в России и Германии: культура, общество, институты», проходил в Москве 22 мая 2018 г.

О подготовке к рынку (26 мая). В последние дни становится очевидным, что предписанный президентом шестилетний рывок — дело тонкое.

Глава Центробанка Набиуллина сказала, что без структурных реформ обещанные дополнительные 8 трлн. рублей бюджетных расходов могут вызвать перегрев экономики и рост темпов инфляции. И еще сказала, что источник финансирования этих 8 трлн. ей не ясен [Первый день ПМЭФ... 2018].

Первый вице-премьер Силуанов сказал, что реформы состоятся. Будут «новые налоговые стимулы для привлечения новых инвестиций». Будут «запущены новые источники роста, такие, как индивидуальный пенсионный капитал». Имеется в виду, что добровольные пенсионные взносы станут источником длинных денег и, соответственно, инвестиций. Еще будет создан инфраструктурный фонд и либерализовано валютное законодательство [Деловой завтрак Сбербанка... 2018].

Председатель Счетной палаты Кудрин сказал, что главное и первоочередное — реформа государственного управления, качество которого назвал «чудовищным». И еще сказал, что ничего не слышит от правительства относительно развития конкурентной среды, которой не может быть при доминировании в экономике государственных компаний [Там же].

Председатель комитета Госдумы по бюджету и налогам Макаров сказал, что у регионов для обеспечения намеченного нет денег, а руководители регионов знают, что 8 трлн. рублей нет и у правительства. И еще сказал, что дело вообще не в том, где взять эти триллионы. Дело в том, что главные беды — «абсолютная неэффективность и абсолютная безответственность» [Там же].

Министр экономического развития Орешкин сказал, что в экономике, которая в России не плановая, а рыночная, экономический рост будет зависеть не от собранных правительством дополнительных денег, а от качественной работы банков, которые за шестилетку должны профинансировать инвестиции не на 8, а на 35 трлн. рублей. Государство не должно и не будет определять, каким и как развиваться отраслям экономики и каким возникать отраслям новым [Там же].

Президент Сбербанка Греф сказал, что в этом отношении правительство может на банки не рассчитывать. Они не станут финансировать новые отрасли, ибо «там нечего взять в залог, там непрогнозируемые денежные потоки». Они будут по-прежнему финансировать сырьевые отрасли и транспорт («там все в порядке с отдачей на капитал»). Поэтому при ориентации на банки и их приоритеты правительству было обещано и через шесть лет сохранение той же структуры экономики, что есть сейчас [Там же]⁴.

Судя по всему, не очень ясно пока с предписанным рывком даже тем, кому предписано его направлять. Тем не менее, премьер Медведев поручил руководителям ведомств в течение полутора месяцев определиться с тем, как они на своих участках намерены этот рывок осуществлять.

О целях и средствах (1 июня). В последние дни многие люди либеральных умонастроений — речь пойдет только о них — стали оповещать публику о том, как претит им формула «цель оправдывает средства». Но они, похоже, не в курсе, что она может толковаться по-разному. Иезуиты, которые сделали ее своим моральным девизом, понимали ее как право лишать человека жизни ради цели, которую считали более высокой, чем жизнь. А Томас Гоббс, у которого они ее заимствовали, имел в виду, «что раз всякий имеет право на самосохранение, то всякий имеет право применять все средства и совершить всякое деяние, без коих он не в состоянии сохранить себя».

⁴ Деловой завтрак Сбербанка, где прозвучали приведенные высказывания, состоялся в рамках Петербургского международного экономического форума 25 мая 2018 г.

Кто-то согласился обмануть вас, а заодно и многих других, ради самоспасения и нейтрализации покушавшихся на его жизнь?⁵ Я допускаю, что ложь эта вас покорила, ибо моральная максима для вас в том, что ложь — это в любом случае зло, а благая цель с неблагими средствами несовместима. Но желательно бы при этом пояснить, чье моральное кредо вам претит — иезуитов или Гоббса. Если, как могу предположить, кредо второго, соизмерявшего, в отличие от первых, цель и средства с жизнью, а не со смертью, то надо бы, как мне кажется, апеллировать не к моральному принципу, как таковому («ложь безнравственна»), а к собственной всегдашней готовности ставить на карту свою жизнь ради этого принципа. А если даже просто выговорить «я бы предпочел лжи смерть» почему-то не получается, то ваша верность принципу может быть воспринята, как морализаторство, адресованное всем, кроме себя.

Можно, конечно, не верить человеку, что он выбирал между жизнью и смертью. Но неверие не есть знание, а потому и не может служить моральным основанием для травли.

Можно считать предосудительным содействие спецслужбам даже в задержании подозреваемого в организации покушения на вашу жизнь. И само по себе предосудительным, и вкуче с соучастием в публичном обмане, ибо он из числа тех средств, которые обезнравствливают цель. Но тогда придется человека, вами осуждаемого, заподозрить и в том, что он действовал, будучи уверенным в наличии других средств, благой цели соответствующих. Так, как уверены в этом вы. Ибо без такой уверенности вам на его месте ничего не оставалось бы, как вести себя так, как повел себя он. Или, в отличие от него, признать, что обезвреживание предполагаемого преступника для вас цель не приоритетная, а интересы его и тех, кому он служит, для вас важнее, чем интересы его потенциальных жертв.

Пока ни обоснований такой уверенности, ни таких признаний услышать не довелось.

О морали мира и морали войны (2 июня). Андрей Илларионов привнес важное в продолжающуюся жесткую полемику в либеральном сегменте российского общества. Poleмику о моральной оценке «смерти» российского журналиста Бабченко, как способе противостояния террористическим угрозам. Илларионов предложил отчленить в этом споре мораль войны от морали мира и рассматривать происшедшее в логике первой, не подменяя ее второй [Илларионов 2018]. В Украине, ведущей не ею инициированную войну на своей территории, так и делают, хотя тоже, разумеется, не все. А в России предпочитают критерии мирного времени, что и проявилось в неприятии действий украинских спецслужб и вовлеченного в сотрудничество с ними российского журналиста даже многими из тех, кто поведение России в соседней стране безоговорочно осуждает.

Учитывая этот дискуссионный контекст, я тоже пробовал вчера полемизировать с этими людьми на их дискурсивной территории, т. е. тоже апеллируя к нормам и принципам морали мира. Илларионов недвусмысленно дал понять, что такие дискуссии поверх реальности, что они из другого времени, и с ним трудно не согласиться. Украина ощущает войну с Россией, как свою повседневность. В России, где не стреляют и не убивают, такого ощущения нет и у либеральных противников этой войны, что притупляет чувство ответственности за нее. Поэтому происходящее в Украине и оценивается часто по нормам морали мира, и именно это можно было наблюдать в реакции на последние события в соседней стране. Даже повышенная суточная доза эмоций, растроченных передовой российской общественностью на оплакивание «убитого» Бабченко, была сочтена платой чрезмерно высокой, не соразмерной с

---

⁵ Этот и два следующих текста — реакция на атмосферу в российской блогосфере после того, как сообщение об убийстве проживающего в Украине российского журналиста А. Бабченко было дезавуировано. «Убийство» это с согласия Бабченко оказалось инспирированным украинскими спецслужбами, необходимость чего объяснялась ими желанием предотвратить реальное покушение на жизнь журналиста и серию других готовившихся покушений.

ее, общественности, оценкой своей ответственности за учиненное ее властями на чужой территории. По причине пониженного чувства этой самой ответственности.

От Украины либеральные россияне требуют святости в приверженности ценностям, в своей стране попираемым, а когда такой святости не находят, спешат разочароваться и уподобить соседей своим соотечественникам. Запомняв, что именно их государство делает все возможное, чтобы у приверженцев этих ценностей соседи никаких сильных чувств, кроме разочарования, не возбуждали. И не только в России. К сожалению, и в других частях планеты, где не только рядовые граждане, но и политики желают Украине успеха, разница между моралью мира и моралью войны тоже не всегда улавливается.

Думаю, что ни в чем Москва так не заинтересована, как в этом неразличении и приравнивании одной морали к другой.

О споре на жертвенность (4 июня). Такое впечатление, что конкурс объявлен на самое высокоморальное обличение. И множится число его участников. А всего-то сказать надо бы: на его месте я бы поступил иначе, так-то и так-то. Но не говорят. Никто не говорит, даже когда спрашивают. Потому, наверное, что на его месте себя даже вообразить не могут. Или не хотят. Зато испытывают неодолимое желание решать свои экзистенциальные проблемы за счет другого. Он, мол, еще больше обесмыслил нашу и без того бессмысленно-безнадежную жизнь тем, что имитировал не просто смерть, а смерть героя-избранника, каковым прикинулся, что есть святотатство [Локшин 2018]. Мол, смерть героя-избранника все-речь — это духоподъемно для живых, жизнесмысл утративших, а смерть-обманка их деморализует, даже если чьи-то жизни сберегает. Высоко, выше некуда. Обратил внимание, что представление о такой духоподъемности чужой жертвенности больше всего распространено среди интеллигентных пожилых людей.

Об украинском антикоррупционном суде (8 июня). В этом году не писал еще об украинских реформах. Потому что ничего заметного под интересующим меня углом зрения — имею в виду продвижение к правовой государственности — в Украине не происходило. Вчера повод высказаться появился — Верховная Рада проголосовала, наконец, во втором чтении за закон об антикоррупционном суде.

Это была долгая история, и она показательна для понимания особенностей преобразования постсоветской коррупционной системы в систему правовую. Преобразования, осуществляемого старой политической элитой под давлением гражданского общества и западных союзников. Союзники эти, отдавая себе отчет в том, что внутренних ресурсов для такой трансформации в постсоветской системе взяться неоткуда, изначально сделали ставку на имплантацию в эту систему иноприродных для нее правоохранительных структур, независимых от политической и административной власти. Так появились многократно упоминавшиеся мной Национальное антикоррупционное бюро Украины (НАБУ) и антикоррупционная прокуратура, уполномоченные противодействовать коррупции в высших эшелонах власти. Однако эти структуры, созданные по инициативе и поддержке Запада, столкнулись с тем, что возбуждаемые, расследуемые и передаваемые в суды дела там увязают: ни один из высокопоставленных деятелей по предъявленным НАБУ обвинениям осужден не был.

Как и всегда в таких случаях, противники новых институтов винят в этом сами институты («плохо расследуют»), а сторонники обличают ангажированных и коррумпированных судей. Западные союзники приняли сторону антикоррупционных структур и тех, кто их в Украине поддерживает. Они стали в последнее время более жестко, чем раньше, настаивать на создании независимого антикоррупционного суда, призванного достроить внутри постсоветской коррупционной системы здание независимой от нее системы антикоррупционной. И не просто настаивать, но и обуславливать созданием такого суда продолжение финансовой поддержки Украины.

Постсоветская система вынуждена была с этим считаться. В самом конце прошлого года президент Порошенко внес в Верховную Раду законопроект об учреждении антикоррупционного суда, а в начале марта года текущего парламентарии проголосовали за этот законопроект в первом чтении. Однако западные союзники усмотрели в нем не столько желание создать правового антагониста коррупционной системе, сколько попытку вмонтировать в нее антикоррупционный суд, устои ее не колебля. Неудовлетворенность выразила Венецианская комиссия, неудовлетворенность выразил МВФ, неудовлетворенность выразили официальные лица в Брюсселе и Вашингтоне. Неудовлетворенность тем, что не было учтено требование о процедуре назначения судей антикоррупционного суда. Запад настаивал, чтобы назначения осуществлялись экспертами, представляющими международные правовые организации, с которыми Украина сотрудничает. На это постсоветская система пойти не могла. Но и позволить себе лишиться поддержки Запада не могла тоже. Поэтому долго искала компромисс.

Он был найден в последние часы перед вчерашним голосованием. Суть его, насколько понял, в уравнивании возможностей в отборе судей иностранных экспертов и украинской стороны. В международном экспертном совете из шести человек предусматривается и представительство Украины. Совет этот наделяется правом вето на назначение либо увольнение того или иного судьи антикоррупционного суда. Но предусматривается и преодоление этого вето большинством голосов совместной комиссии, включающей в себя, наряду с шестью международными экспертами, еще и состоящую из 12 человек украинскую Высшую квалификационную комиссию судей. При условии, что в это большинство входит не менее половины (т. е. не менее трех человек) международных экспертов.

Компромисс устроил не только украинскую власть, но и почти все оппозиционные партии — законопроект поддержали 315 депутатов. Вроде бы одобрительно отозвались уже о принятом законе и в Венецианской комиссии. Но как он будет действовать, когда дело дойдет до формирования состава антикоррупционного суда, а потом, если сформировать получится, как он будет функционировать (уже после выборов 2019 года), никто сегодня не скажет.

Опыт Украины позволил уже убедиться в том, что постсоветская коррупционная система, преобразуемая старой элитой, обладает огромной сопротивляемостью превращению в правовую даже при сильной зависимости от внешних субъектов, к такой трансформации по-настоящему. Но поэтому же украинский незавершенный опыт по-прежнему интересен.

О патриотическом самосознании (9 июня). Процент людей, считающих себя патриотами, приближается к максимальному. Как выяснили социологи из ВЦИОМ, таковых в России уже 92 процента (два года назад было 80 процентов). Обратил внимание, что 39 процентов опрошенных понимают под патриотизмом «стремление к изменению положения дел в государстве» (больше только у «любви к своей стране» — 59 процентов) [Что значит быть патриотом... 2018]. Социологи — возможно, из-за дефицита любопытства — не спросили, как патриоты в собственных глазах такое свое понимание патриотизма реализуют. То есть, в каком направлении и как «стремятся изменять положение дел в государстве». Жаль, что не полюбопытствовали.

О реанимации нормандского формата (12 июня). Встретившись вчера в Берлине после полуторагодовой паузы, главы МИД нормандской четверки выразили единодушное удовлетворение единодушным согласием с тем, что минские соглашения надо выполнять, непрекращающийся огонь прекращать, вооружения от линии разделения сторон отводить, заминированные территории разминировать, наблюдателям ОБСЕ работать не мешать и миротворцев ООН на Донбассе размещать. А в том, о чем не могли договориться раньше, не продвинулись и вчера.

Москва продолжает настаивать на выполнении политических пунктов «Минска-2» (введение в действие закона об «особом статусе» и проведение донбасских местных выборов), Берлин и Париж, судя по вчерашней встрече, не возражают, чтобы переговоры об этом продолжались. Но для Киева эти вопросы остаются производными от демилитаризации не контролируемых им районов и, соответственно, передачи их под контроль миротворцев, а Москва в очередной раз устами Лаврова дала понять, что такая демилитаризация до проведения выборов в ее планы по-прежнему не входит, а миссию миротворцев видит только в охране наблюдателей ОБСЕ.

Похоже, реанимация нормандского формата удобна для российского руководства, ибо позволяет признать тупиковость переговоров с Вашингтоном и его спецпредставителем Волкером, солидарным с украинской позицией по миротворцам, — Лавров не очень старался вчера выбирать слова для констатации его, Волкера, дипломатической несостоятельности. Теперь миссию миротворцев будут обсуждать представители стран «четверки», но вряд ли кто надеется, что позиции сторон получится сблизить. Киев не отступит — тем более, перед президентскими выборами, до которых меньше года. Москва не отступит, надеясь, что выборы приведут к смене в Киеве власти на более сговорчивую.

По сути, министры договорились в Берлине о том, что делать в нормандском формате в оставшиеся до выборов месяцы, не рассчитывая на результат. Правда, в продолжение недавней телефонной беседы Путина с Порошенко вчера обсуждался вопрос об освобождении «задержанных лиц», и обсуждение это признал продуктивным не только Лавров, но и украинский министр Клишчак.

О молве и реальных тенденциях (13 июня). У меня просьба к украинским друзьям и коллегам. Не поможете ли разобраться в том, что происходит в Украине с коррупцией? Одни пишут, что она не быстро, но все же уменьшается, другие — что ничего не меняется, третьи — что не только не уменьшается, но и увеличивается. Российское ТВ и вскормленные им сетевые пропагандисты, естественно, воспроизводят оценки третьих. Но на чем все эти суждения основываются, не понятно. Есть ли какие-то объективные показатели, позволяющие судить о реальных тенденциях?

Еще об украинской коррупции (16 июня). Попросил на днях украинских коллег высказаться о результативности противодействия коррупции в их стране [Клямкин 2018]. Несколько лет пишу о том, какие на сей счет принимаются законы, и какие, во исполнение этих законов, созданы и продолжают создаваться специализированные антикоррупционные структуры. А о результатах почти не писал, ибо слишком уж разные сведения поступают с Украины. Кто-то утверждает, что коррупции стало меньше, кто-то — что масштабы ее прежние, домайданные, кто-то — что они даже увеличиваются, на чем настаивает и российское телевидение. Коллеги на просьбу отозвались, за что всем им признателен. Мнения пришлось услышать самые разные, даже полярные. Однако...

Однако никто при этом не спорил с тем, что масштабы коррупции в Украине остаются значительными.

Никто не сказал, что коррупции стало больше.

Никто не оспаривал приводившиеся по ходу обсуждения факты, которые свидетельствуют об успехах на антикоррупционном направлении. Среди наиболее существенных достижений чаще всего фигурировали реформы украинской газовой компании (Нафтогаза) и системы государственных закупок.

Нафтогаз был стабильно убыточным (от 4 до 10 млрд. долларов ежегодно) и жил за счет массивных бюджетных вливаний, значительная часть которых бесследно исчезала в коррупционных потоках. А 2015 год Нафтогаз, отключенный от бюджетного финансирования и переведенный в рыночный режим функционирования, завершил с полуторамиллиард-

ной (тоже в долларах) прибылью и стал с тех пор одним из главных источников пополнения казны.

Что касается реформирования системы госзакупок — другой часто упоминаемый украинскими коллегами позитивный сдвиг, — то оно было осуществлено посредством создания центральной электронной базы данных (ProZorro) о всех закупках, доступной для всех. До того и за информацию о тендерах, и за право подать заявку на участие в них, и за само участие приходилось платить. Не государству, а чиновникам. Поэтому число участников измерялось единицами, а победитель определялся заранее. Теперь это число стало измеряться десятками, тендеры стали прозрачными, их победители определяются в свободной конкуренции предпринимателей, а не теневыми сделками с чиновниками. От чего доходы последних падают, а финансово-экономическая деятельность государства, покупающего у бизнеса товары и услуги, становится менее расточительной и более эффективной.

Коллеги, рассказывавшие об успехах в противодействии коррупции, как правило, оговаривались, что имеют в виду некоторые тенденции на общегосударственном уровне, что на уровнях региональном и местном после проведенной децентрализации тенденции могут быть самые разные и по глубине, и по направленности. Говорили также, что введение электронных систем управления не только госзакупками, но, например, и в налоговую сферу полностью коррупцию не блокирует — то же ProZorro наиболее изобретательные чиновники научились обходить посредством обновленных коррупционных схем. И еще говорили, что большинство людей позитивные сдвиги в повседневной жизни не ощущают, а потому их и не замечают, оставаясь при убеждении о тотальной коррумпированности власти. Даже если сами, как некоторые мои собеседники, с коррупцией не сталкиваются. И убеждение это настолько глубоко, что никакими фактами поколеблено быть не может.

Один из собеседников, киевский аналитик Юрий Костюченко, проиллюстрировал эффективность ProZorro, разрушившую кланово-кумовскую практику закупок вакцин и медикаментов Минздравом, собственным опытом. А именно динамикой цен на препарат, который постоянно покупает в течение многих лет. Один и тот же препарат одного и того же производителя в одной и той же дозировке. Костюченко подсчитал, что, с учетом изменения валютного курса, цена месячной дозы препарата с 2013 года уменьшилась в 6 раз. Но некоторые другие собеседники даже на такие сведения не реагировали, в их картину неколебимого всеобщего властного воровства они не вписываются.

Возможно, на их оценках сказывается общее падение уровня жизни, вызванное, помимо прочего, и повышением цен не только на промышленный, но и на бытовой газ в результате прекращения государственного финансирования Нафтогаза. Коррупцию в нем лично на себе никто не ощущал, а рост цен ощущают все. Возможно, сказывается политически окрашенная антикоррупционная риторика оппозиции и СМИ, подпитываемая, в том числе, и неудовлетворенностью темпами и результатами украинского противоборства с коррупцией в западных столицах. И уж точно сказывается то, что ни один из высокопоставленных чиновников, против которых в последние годы возбуждались уголовные дела, до сих пор не был осужден. А доминирующая в украинском обществе ментальность, как отмечали некоторые участники обсуждения, такова, что единственный показатель, воспринимаемый убедительным при оценке успешности либо неуспешности действий власти против воров во власти, — это репрессия. Нет посадок — значит воров все. И это умонастроение не может быть поколеблено ни превращением убыточного Нафтогаза в прибыльный, ни электронными системами управления, ни открытыми для всех — тоже через электронную систему — сведениями о доходах должностных лиц, ни созданием специализированных антикоррупционных структур.

Люди знакомятся с задекларированными доходами и имущественными приобретениями начальников, сравнивают их со своими, видят запредельную порой разницу, но почему

чиновники и депутаты при скромных должностных окладах такие богатые, обществу никто не сообщает. Люди слышат о создании в стране независимых антикоррупционных структур, слышат о проведенных ими арестах высокопоставленных деятелей, которые не сопровождаются судебными приговорами, и еще больше укрепляется в мысли, что управы на воров нет. Это я не от себя пишу, это рассказывали украинские коллеги. Они же — наиболее обстоятельно Юрий Христензен — писали о том, что в доминирующей ментальности установка на репрессии сопрягается с упованиями на появление некоей чудо-институции, которая всех воров из высоких кабинетов переместит в тюремные камеры.

Мои собеседники — из тех, что признают успехи власти на антикоррупционном фронте, — полагают, что избавления от коррупции наивно ждать от некоего чудо-избавителя, будь то чудо-президент или чудо-институция. Они даже в отношении антикоррупционного суда, создания которого долго требовало общество и западные союзники Украины, и который недавно был учрежден Верховной Радой, высказывались скептически. Не потому, что считают такой суд, увенчивающий здание независимых антикоррупционных институтов, бесполезным, а потому, что не склонны верить в его чудодейственность. Потому что считают коррупцию производной от постсоветской государственной и общественной системы, от укоренившихся на всех ее этажах поведенческих мотиваций, формальных и неформальных практик. Потому что, как заметил коллега Владимир Дубровский, используя терминологию Дугласа Норта и его соавторов, коррумпированность этой системы проистекает не из дефицита репрессий, а из того, что она представляет собой государство ограниченного (для общества) доступа.

Это стратегически оптимистическое теоретическое суждение, смысл которого в том, что Украине предстоит продвигаться от государства ограниченного доступа к государству доступа открытого, и она, если сосредоточит на этом свои усилия, свою историческую задачу решит. Меня же в данном случае интересовала только текущая антикоррупционная динамика. Сказанное украинскими собеседниками подводит к выводу, что послемайданная Украина, унаследовав коррупционную постсоветскую государственную систему и сформированную этой системой политическую и административную элиту, под жестким прессингом Запада выдавливает коррупцию из-под собственной чиновно-олигархической кожи. Выдавливает безуспешно, но медленно и для большинства людей не очень заметно, что в бедной стране не может не сопровождаться разочарованиями и недовольством властью. Эти настроения можно было наблюдать и в ответах украинских коллег на мои вопросы, но при этом конкретные указания других участников обсуждения на позитивную антикоррупционную динамику они не оспаривали.

Об этой динамике, хоть и не очень выразительно, свидетельствуют и международные индексы коррупции, о чем участники обсуждения тоже напоминали. С 2014 по 2017 год показатель Украины несколько улучшился, но пока она, как и Россия, во второй сотне стран. Тем не менее, Россию, у которой в 2014-м индекс был выше, Украина за прошедшие годы опередила. В одном случае медленная динамика негативная, в другом — тоже медленная, но позитивная. А насколько эта тенденция устойчива, выяснится, очевидно, в ближайшие годы.

Еще раз благодарю всех украинских собеседников, благодаря которым этот текст мог быть написан.

О поисках совинновника трагедии (17 июня). Удивительный это феномен — российское украинофильство в некоторых не единичных его изводах. Оно против действий России в Украине, но при этом не расположено поддерживать и ответные действия Украины, а при случае их и осуждать. А если действий нет, то бездействия. Очень хочет выглядеть объективным и ни одной из сторон не ангажированным. А желание так выглядеть влечет к констатации совинновности Москвы и Киева в том, что с 2014 года происходит в соседней стране.

Москва, говорят, виновна в том, что аннексировала Крым, а Киев — в том, что не предусмотрел последствий брошенного ей геополитического вызова, на который она не могла не ответить. Или — другое суждение об обоюдной крымской вине — Россия позволила себе противоправную акцию, а Украина допустила аннексию без сопротивления, капитулировав без боя. Москва признается виновной и в том, что случилось и продолжается на Донбассе, но и Киев не невинен, ибо подписал навязанные ему Москвой при поддержке Берлина и Парижа минские соглашения. А теперь вот отдельными политическими мыслителями предлагается признать совиновность в том, что учинили с Сенцовым⁶. Киев, мол, мог защитить его в ЕСПЧ, но возможностью этой в течение нескольких лет не воспользовался, апеллируя к Страсбургу не с тем, с чем было нужно, и не так, как нужно. А если бы воспользовался, то происходящего сегодня могло и не быть [Кунадзе 2018].

Все эти упреки обычно постфактум. Не припомню, чтобы российские украинофилы призывали украинцев держаться в Крыму до последнего солдата. Не припомню, чтобы они советовали Киеву не подписывать «Минск-2», остановивший широкомасштабную войну, или критиковали это соглашение до того, как стала обнаруживаться его невыполнимость. Не припомню и обращений из России к властям Украины с советами насчет того, как им не следовало и как следовало защищать в ЕСПЧ Сенцова.

У меня к господам не ангажированным украинофилам два вопроса. Первый: кому вы вашу критику и ваши суждения о совиновности адресуете и в чем видите их смысл? Второй: как полагаете, кому такие суждения больше всего на руку?

О «переходном периоде» г-на Познера (25 июня). Г-н Познер объяснил, откуда есть пошла в России агрессия и «даже жестокость»: «У нас очень трудный переходный период, он трудный в любой стране, и он трудный в России» [Познер объяснил... 2018]. От чего же к чему она переходит? Ответ: от советского нецивилизованного состояния к цивилизованному. Коли так, то переход, если считать от начала перестройки, длится уже 33 года. Можно ли сказать, что по мере движения с сопутствующим ему нарастанием агрессии и «даже жестокости» цивилизованности становится больше и обещает стать еще больше? Если да, то переход к ней чем-то напоминает описанный в свое время маршрут к бесклассовому обществу, которое чем ближе, тем острее классовая борьба. Тогда, однако, речь шла о цивилизованности особой, миру еще не знакомой. Или, как сказали бы в наши дни, альтернативной, которую в ее советской разновидности г-н Познер цивилизованностью не считает. К какой же цивилизации тогда наблюдаемый им переход, и каковы его различаемые г-ном Познером симптомы кроме агрессии и жестокости? Объяснил бы еще и это своей едва ли не самой большой в стране аудитории. Думаю, что многим жить стало бы еще легче и еще веселее.

О разновидностях самопиара (26 июня). Утомился реагировать на определенного типа увещевания. Какая-то неистребимая тяга к публичным запретам ради публичного самоутверждения.

Вы считаете недопустимым для себя и своей среды комментировать — даже критически — высказывания тех или иных деятелей? Не комментируйте. Но если я считаю это для себя допустимым и нужным, то позвольте и мне по своей глупой воле пожить.

---

⁶ Живший в Крыму украинский режиссер Олег Сенцов после присоединения полуострова к России был арестован и приговорен российским судом к 20 годам заключения за якобы подготовку террористического акта и поджог дверей крымского офиса «Единой России». Сенцову инкриминировали преступления, которых он не совершал, на основании показаний двух свидетелей, один из которых от этих показаний на суде отказался, заявив, что они были даны под пытками. Других доказательств его вины предъявлено не было. 14 мая 2018 г. находящийся в заключении режиссер потребовал отпустить всех украинских заключенных, находящихся в российских тюрьмах, и объявил бессрочную голодовку.

Вы считаете недопустимым для себя и своей среды смотреть российское ТВ? Не смотрите. Но если сочту нужным что-то зачем-то посмотреть, а потом о просмотренном что-то сочинить, не табуируйте мои желания. А то ведь и в лжесвидетели можете невольно угодить, как вчера один уважаемый писатель, в хамоватой форме уличивший меня в грехе телесмотра после того, как я отозвался на растиражированное в Сети суждение известного телеведущего, высказанное совсем даже не на ТВ.

Если уж чувствуете себя независимыми от всего, от чего зависеть считаете зазорным, то почему так важно вам об этом своем самоощущении прямо либо косвенно, т. е. через увещевание других, во всеуслышание оповещать? Независимость, насколько понимаю, в самопиаре не нуждается. А если нуждается... если нуждается, то что бы это могло означать?

О новой исторической общности (27 июня). Русский Фейсбук — это завалинка, митинг и кафедра в одном коммуникационном пространстве.

О цивилизации-оркестре (28 июня). Президент объявил, что «мы всю страну можем сравнить с симфоническим оркестром», где «у каждого есть своя роль, есть свое направление деятельности» [Вся страна как симфонический оркестр... 2018]. Думаю, что идеологи и пропагандисты альтернативной цивилизации могли бы предложенной метафорой воспользоваться. «Цивилизация-оркестр» звучит очень даже неплохо, в ней у каждого своя направляемая и управляемая дирижером роль — и у министров, и у парламентариев и их избирателей, и у прокуроров-следователей-судей, и у генералов вместе с их солдатами, и у священников вместе с их прихожанами, и у предпринимателей вместе с их наемными работниками. К тому же при необходимости симфонический оркестр можно с ведущего места в риторике отодвинуть и заменить другим — например, духовым военным. Чем не альтернативная цивилизация? И подражать ей трудно — американский президент вот как уж старается, а оркестра пока не получается. С музыкантами проблема, да и с консерваторий тоже — учила и учит не тому, что надо.

Еще о поиске совинновиков (30 июня). Продолжается российский поиск в Украине совинновиков творимого с Олегом Сенцовым. Если не реальных, то потенциальных. Президенту Порошенко предлагается спасти голодающего узника ценой отказа Украины от ее политических целей и фактической капитуляции в военном конфликте. Не спасет — станет совинновиком реальным.

У меня нет оснований сомневаться в благородстве помыслов режиссера Сокурова, обратившегося к украинскому президенту с открытым письмом [Сокуров 2018]. Но понимаю и украинцев, у которых такое обращение гражданина воюющей с ними страны к их политическому лидеру вызвало недоумение, а у многих и более сильные чувства. Не могут они все еще привыкнуть к российскому толкованию человеколюбия в его политическом измерении. Привыкнуть к тому, что добродетель тут может позволить себе смиренно молить правителей о милости к их жертвам из другого государства и, убеждаясь в их глухоте, обретать внутреннюю свободу, позволяющую смещать ответственность за судьбы этих жертв на руководителей этого другого государства.

Именно к ним призывают о милосердии, именно им предлагается платить за человеколюбие такую цену, упоминать о которой в советах своим собственным правителям советуемым не может прийти в голову. Предлагается ревизия стратегического курса Украины, отказ его отстаивать и политическое самоубийство украинской государственности в том виде, в каком она проектировалась после Майдана. И, тем самым, умиротворить официальную Россию. Никакого иного смысла в письме г-на Сокурова вычитать нельзя. Поэтому украинцы и отнесли к нему так, как отнесли.

Еще о письме Сокурова (2 июля). Некоторых коллег смутило мое толкование письма Сокурова Порошенко, как призыва (хочу верить, что не осознанного) к капитуляции и политическому самоубийству Украины. Поэтому считаю нужным объяснить.

Сокуров, дабы склонить российские власти к освобождению Сенцова, призвал президента Украины «отпустить безо всяких условий всех, находящихся в заключении, граждан России» и объявить «бессрочный мораторий на всякую военную, дипломатическую, политическую конфронтацию». Украинскому руководителю предлагается также «забыть, отбросить все и всякие открытые и скрытые политические резоны и обратить свои взоры к высшим гуманитарным, гуманистическим интересам и украинского народа, и украинской культуры». Автор письма заверяет адресата, что спасение человеческой жизни «оправдает все политические потери, риски от компромиссных решений украинской власти сегодня».

Украинцы, письмо прочитавшие, не считали нужным скрывать свое удивление и раздражение тем, что Путина, которого Сокуров ранее «умолял» освободить Сенцова, он не считал уместным и для себя допустимым поучать насчет того, что «всякая политика обязана безоговорочно следовать за интересами жизни и не ради достижения политических целей». Как не считал уместным и для себя допустимым предлагать своему президенту осуществить действия, предложенные президенту Украины. А президенту Украины, в свою очередь, не считал полезным пояснить, от каких политических целей ради «интересов жизни» тому следует отказаться. От суверенитета? Восстановления территориальной целостности? Евроинтеграции? Ведь все перечисленные Сокуровым конфронтации с Россией, которые он советует Украине односторонне и бессрочно заморозить, — они же именно от этих целей, Россию не устраивающих, как раз и производны. Так что и у меня, и у украинцев были основания расценить идеи российского режиссера, как призыв к капитуляции и политическому самоубийству послемайданной украинской государственности.

Нельзя допустить, чтобы имя Сенцова было вытеснено с мирового информационного поля футбольными и прочими страстями⁷. Но искусственным расширением списка реальных либо потенциальных виновных в его беде и судьбе его не спасешь. Виновник был и остается один.

О пытках (5 июля). Прочитал интервью с главой «Комитета против пыток» Игорем Каляпиным [Яковлев, Каляпин 2018]. Узнал, что пытки, по закону строго наказуемые, безнаказанно применяются полицейскими. Что Следственный комитет отказывается возбуждать против них уголовные дела. Что они, осознавая свою безнаказанность, в способах мучительства все более изобретательны и все меньше опасаются оставлять следы насилия на теле насилию подвергаемого. Что среди «пыточных» регионов выделяются Чечня и Москва.

Почему так? Потому, считает Каляпин, что «нынешней власти нужна полиция и Следственный комитет, которые работают в ручном режиме. Страна большая, а рук не хватает. А если они будут работать по правилам и по закону — значит, над ними потеряют власть. Тогда уже нельзя будет сказать, какого губернатора сажать, а какого нет. Появится риск, что посадят тебя и твоего друга. Никто не хочет, чтобы у нас все было по закону. Рядовые граждане, кстати, тоже».

Но тут не просто произвол. Тут произвол, комбинируемый с квазиправовыми способами воспроизводства неправовой системы. «Диктатура закона», о которой постоянно пишу, — это не только учреждаемые законодателями репрессивные нормы, попирающие конституционные права под видом их защиты. Это еще и избирательное правоприменение, при котором единый для всех закон распространяется на одних и не распространяется на других. И это такой порядок, при котором блюстителям закона во имя закона негласно дозволено неконтро-

⁷ В это время в России проходил чемпионат мира по футболу.

лируемое и ненаказуемое беззаконие. В том числе, и насильственное принуждение людей к признанию в не совершенных ими преступлениях. Иногда таких насильников привлекают к уголовной ответственности — тоже в соответствии с органичным для «диктатуры закона» принципом избирательного правоприменения. То есть, не ради утверждения универсализма законности, а ради его имитации.

Осталось сказать, что сами люди в массе своей такой порядок считают нормальным и его, тем самым, легитимируют: по данным социологов, свыше 70 процентов опрошенных оправдывают применение пыток в отдельных ситуациях [До 73 % россиян... 2018].

О нижних этажах Системы (7 июля). Когда речь заводят о пороках Системы, обычно имеют в виду верхние ее этажи. А что происходит на нижних ее уровнях — там, где она непосредственно соприкасается с населением? И как она реагирует на голоса тех, кто представляет его, населения, интересы в институтах местного самоуправления?

Я имею в виду не тех, кто обязан своим депутатством административному ресурсу, т. е. той же Системе, и настроен добросовестно исполнять предписанную ею роль. Я имею в виду тех, кто через бюрократические заслоны сумел достучаться до избирателей на выборах, кто настроен что-то в Системе менять, начиная снизу, кто движим не карьерными, а гражданскими мотивациями.

Математик из Москвы Юрий Зуев, ставший депутатом год назад, — один из таких людей. Он изредка рассказывает в Фейсбуке о своей новой деятельности, своих целях и системных реакциях на них. Вот и вчера поведал о совещании у заместителя префекта юго-западного округа, в котором в числе других депутатов участвовал [Зуев 2018]. Итог совещания: «Ни один вопрос решен не был».

Пробую сформулировать для себя, пользуясь информацией Юрия, основные технологические приемы, которые местная бюрократия использует в общении с выборными представителями местного самоуправления.

На критику ее конкретных действий отвечает троллингом. Срубили сакуру? Потому что засохла. Есть фотография, где она не засохшая? А когда она сделана?

На критику бездействия отвечают, что действие не в их компетенции, а в компетенциях разобраться невозможно, ибо за одно и то же (скажем, за уборку мусора) отвечают сразу несколько ведомств при отсутствии между ними координации.

На критику нетребовательности к «компетентным» отвечают переводом упрека на самих депутатов: мол, вы здесь тоже власть, как и мы, но, в отличие от нас, подневольных чиновников, можете обращаться, куда угодно. Вот и обращайтесь.

Тем не менее, Юрий надеется, что системную стену удастся продать. Косвенно дает понять, что депутатам для этого нужна поддержка населения. Оно — ссылается на сведения социологов — уже понимает, что чиновников надо контролировать, но контролеров видит в прокурорах, а не в депутатах. Притом, что «у прокуроров никакой мотивации контролировать нет». А у депутатов, пусть и не у всех, есть.

С большой симпатией наблюдаю по заметкам Зуева за его деятельностью. Жаль, что пишет о ней не часто. Как бы и чем бы она ни закончилась, он будет вправе повторить: «Я хотя бы попробовал».

О кризисе постправды (8 июля). Телеведущий Д. Киселев сообщил своим зрителям и слушателям, что не согласен с данными социологов, зафиксировавших массовое неодобрение населением пенсионной реформы. Назвал такие опросы скороспелыми, поверхностными и даже «политически манипулятивными» [Киселев подсказал... 2018]. Потому и не согласен.

Похоже на кризис отечественной постправды. Она ведь требует не несогласия с фактами, а фактов альтернативных. В данном случае, сведений, полученных от других, более глубоких исследователей мнений и настроений, сведения своих поверхностных коллег дезавуи-

рующих. Но в стране таковых пока не обнаружилось: все без исключения, социологические службы, включая самые прокремлевские, публикуют схожие цифры. Именно в таких случаях постправда ориентирует на изобретение отсутствующих альтернативных фактов, но изобрести, видимо, не получается.

Интересно, объявлен ли уже общероссийский поиск социологических талантов, которые могли бы превратить 80–90 процентов осуждающих в 80–90 процентов одобряющих? Или высшие телена начальники верят в магию телеведущего Киселева, способного спасти пошатнувшуюся постправду своим личным глубоко осмысленным и прочувствованным несогласием с тем, что все другие-прочие по недомыслию считают правдой?

P.S. После того, как этот текст разместил, решил посмотреть передачу целиком — до того смотрел только ролик. Оказывается, про альтернативные факты г-н Киселев не забыл: понимает, что без них нельзя. И рассказывает про исследование, которое считает глубоким, и согласно которому большинство российских пенсионеров хотело бы вернуться на работу и готово учиться, дабы соответствовать современным требованиям. Но о том, что они хотели бы работать и получать зарплату помимо пенсии, а не отказываться от пенсии ради зарплаты, не сообщает. Так что несколько не альтернативен сей факт тому, чему альтернативой призывается стать. Апелляция к глубокому исследованию не вызволила постправду из кризиса, а стала дополнительным свидетельством глубины этого кризиса.

О беззащитных служителях закона (9 июля). На днях опять пришлось спорить с коллегами о диктатуре закона. Мол, при чем тут закон, если речь о тотальном беззаконии?

Попробую объяснить еще раз.

Да, диктатура закона держится на беззаконии. Но особенность его в том, что оно осуществляется служителями закона именем закона. Это потому и **диктатура**, а не правовое государство, что управляет законотворчеством и законоприменением, апеллируя к праву, но с правом не считаясь. И это потому и диктатура **закона**, что именно он используется против тех, кто на основании диктатуры осмеливается покушаться. Поэтому же едва ли не главный ее враг тот, кто внутри нее начинает действовать в соответствии с декларируемыми ею принципами и нормами правового государства. То есть, законопослушный служитель закона. Он — едва ли не самое беззащитное звено в системе.

Почитайте вот эту историю о том, как честный таможенник поймал воров при исполнении ими своих служебных обязанностей, после чего столкнулся с корпоративной солидарностью следователей и судей и, в отличие от отпущенных на свободу воров, оказался в тюрьме [Егорова 2018]⁸. Вот что такое диктатура закона в конкретном применении. О других ее многообразных проявлениях писал раньше.

Еще о законности и беззаконии (12 июля). Понял, наконец, почему многие отторгают термин «диктатура закона», как не соответствующий сложившемуся в стране порядку. Отторгают, потому что слово «диктатура» не воспринимается однозначно негативно безотносительно к тому, о какой диктатуре речь. Предполагается, что при сочетании с таким словом, как «закон», она становится позитивной, означающей безукоснительное его, закона, соблюдение. А если этого нет, если в стране царит беззаконие, то «диктатура закона» — это обманка, облагораживающая произвол.

Да нет, совсем наоборот. Диктатура — это власть, законом не ограниченная. А диктатура закона — это неограниченная власть, действующая от имени закона. И в правотворчестве, и в правоприменении. В правотворчестве она может позволить себе безнаказанно нарушать конституцию, в правоприменении — избирательно применять законодательные нормы и —

---

⁸ В статье рассказывается об оперуполномоченном В. Миняеве, раскрывшем схему краж багажа в аэропорту Внуково, который был осужден на три года, а причастные к краже были объявлены потерпевшими.

опять же именем закона — репрессировать тех, кто требует соблюдения конституционно декларируемых прав.

Почему такое возможно? Потому, в том числе, что и сама диктатура закона предопределена законом. Действующая Конституция, нарушая саму себя, т. е. провозглашенный ею же принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, предусматривает и власть четвертую, президентскую, полномочия которой ставят ее над этими властями. И пока так будет, ничего, кроме диктатуры закона, не будет.

А кому термин не нравится, попробуйте поразмышлять о том, почему он не нравится. Быть может, вам поможет напоминание о том, что сам термин придуман не мной, что он был одним из лозунгов Путина в его первой президентской компании. Тогда он смущал вас так, как смущает сегодня? Или вам в слове «диктатура» слышалось и слышится до сих пор что-то хорошее — в данном случае возможность искоренения произвола и утверждения законности?

Но диктатура может разве что уподобить себя тому, чему по определению противостоит, а не служить ему. Что и наблюдаем в феномене диктатуры закона. Она не есть и не может быть альтернативой беззаконию. Она есть беззаконие, выступающее от имени закона, как верховной инстанции. И ничем иным быть ей не дано. Иное требует иного имени.

О политфилософии Андрея Мовчана (14 июля). Очень соблазнительной оказалась для многих идея равновинности Украине и России в донбасском кровопролитии. Все новые и новые аргументы изобретают, все более убедительные интонации изыскивают. Писал об этом неоднократно, есть повод написать еще раз.

О Крыме, Донбассе и событиях в них можно рассказывать по-разному. Можно пафосно, но можно, как выясняется, и дезавуировать высокую правовую либо державную риторику повествования стилистикой нарочито приземленной. И тогда это будет выглядеть так, что одно государство отобрало у другого «незначительный кусок неудобно расположенной территории, воспользовавшись тем, что жителей этого куска территории можно было соблазнить повышенной пенсией», а другое государство не стало эту территорию спасать и по причине ее «никому не нужности», и по причине «обострения в нем внутренней борьбы за власть». А потом первое государство «еще и активно посодействовало бунту и беспорядкам на другой окраинной территории» того же другого государства — «отчасти по глупости, отчасти по корысти конкретных граждан, отчасти — чтобы замаять вопрос о захвате первой территории».

Дальше приходится определять виновников. Однако во множественном числе они из этого повествования вроде бы не выводятся, а единственного числа очень хочется избежать. И тогда при некотором возвышении стиля получается, что «беспорядки были бы и без ее (первой страны. — *И.К.*), участия, но с ее участием они стали кровавее и 10 000 трупов это не шутка, и они на совести (по совести говоря) обоих государств, потому что жизни людей бесконечно ценней территорий, тем более окраинных, вне зависимости от того, захватываешь ты эти территории, или их отстаиваешь».

Автор — Андрей Мовчан [Мовчан 2018] — понимает, что после такого может быть много вопросов. И насчет отдельных деталей крымской и донбасской историй, которые стилистическая изобретательность позволила слегка видоизменить либо обойти, и насчет того, сколько окраинных земель допустимо во имя человеколюбия захватчику уступить, учитывая, в том числе, что окраинные территории, сколько их ни уступай, будут всегда. Не исключая, что именно эти вопросы сподвигли Мовчана на преобразование полуироничного небрежного описания событий в политико-философскую проповедь, в которой доза пафоса превысила все мыслимые для аналитического сочинения пределы.

В противостоянии двух государств «нет правого и виноватого», ибо любые государства – это фантомы, которые ни правы, ни виноваты быть не могут, но наделяются почему-то совестью, которая вроде бы к понятию вины должна быть чувствительна. Фантомы, представляющие собой «плод коллективного бессознательного, продукт неписанного договора, инспирированного древними стадными инстинктами и комплексами неполноценности». Нормальные свободные люди не могут и не должны себя с государством ассоциировать. «В мире свободных людей нет и не может быть „межгосударственных отношений“ — только межчеловеческие. А в рамках межчеловеческих отношений нет „наций“ или „стран“ — есть конкретные подлецы по обе стороны границы, из-за которых погибли люди, и есть обычные люди, которым должно быть наплевать, какой флаг висит над тем или иным клочком суши — лишь бы там было хорошо жить и лишь бы с него не шла угроза другим людям».

В тексте Мовчана еще много чего в том же высоком духе. И я бы тоже не прочь на эту высоту забраться и ощутить себя в обещанном одним великим учением царстве свободы от государственных фантомов. Но знаю, что на такой высоте мне будет не очень уютно, и пока от восхождения на нее воздержусь. Именно потому, что на ней становится неразличимой вина между нападающим государством, поддерживаемым «обычными людьми», и государством защищающимся, в желании защитить себя тоже поддерживаемым «обычными людьми». Вина тех, от кого идет угроза, переносится и на тех, кому угрожают. А раздваивать эту вину, будучи соотечественником угрожающих, — значит призывать защищающихся к капитуляции перед страной проживания призывающего.

Почему она все же так соблазнительна, эта идея равной вины? Давайте подумаем, интересный же вопрос.

О саммите в Хельсинки (17 июля). Спрашивают, что думаю о встрече Путина с Трампом⁹. Думаю о том, есть ли исторические аналогии переживаемому историческому времени — и российскому, и мировому. Склоняюсь к тому, что таковых нет. И навыков мыслить о настоящем вне соотнесения его с прошлым тоже нет. Вот и думаю о том, как думать о том, о чем приходится думать.

О моем «запросе на диктатуру» (25 июля). Почти 30 лет прошло, а некоторые коллеги все еще не могут забыть эту публикацию 1989 года, в которой недавно умерший журналист Георгий Целмс интервьюировал нас с А. Миграняном насчет «железной руки». Теперь вот и А. Илларионов вспомнил о том «запросе на диктатуру» и даже воспроизвел полностью тот старый текст [Илларионов 2018]. Запросе, которого, скажу походя, у меня, в отличие от моего собеседника, не было: он выступал тогда с проектом авторитарной модернизации, а я — с прогнозом возможного развития событий.

Прогноз опирался на предшествовавший мировой опыт экономических и политических модернизаций, которые нигде не были одновременными, а осуществлялись поначалу разнотипными авторитарными режимами — монархическими, бонапартистскими и другими «диктатурами развития». Этот опыт я и экстраполировал на посткоммунистический транзит, отдавая себе отчет в его своеобразии (переходов от огосударственной плановой экономики к рыночной и от тоталитаризма к демократии без предшествующего военного поражения мир еще не знал), но и не имея летом 1989 года материала, позволявшего судить об этом своеобразии конкретно.

Через 29 лет такого материала стало больше, Андрей Николаевич его обобщил и умозаключил, что прогноз оказался верным лишь на четверть, а в трех четвертях посткоммунистических стран экономическая (рыночная) и политическая (демократическая) модернизации осуществлялись параллельно. Не оспаривая его подсчеты в целом, могу разве что заметить,

⁹ Официальная встреча президента США Д. Трампа и президента России В. Путина состоялась в Хельсинки 16 июля 2018 г.

что за прошедшие годы авторитарные тенденции обнаруживали себя и в этих трех четвертях. И в Сербии, и в Хорватии, и в Армении, и в Грузии, и в Киргизии, и в Румынии при Илиеску, и в Словакии при Мечьяре, которого в Европе называли «дунайским Лукашенко».

Пишу это не в подтверждение верности своего давнего прогноза. Применительно ко многим странам он не подтвердился, и спорить тут не о чем. А не подтвердился, прежде всего, потому, что в нем не учитывалась возможность восполнения дефицита внутреннего модернизационного ресурса внешним влиянием и добровольным его приятием. Не учитывалась ориентация многих посткоммунистических стран на Евросоюз и его готовность их в себя интегрировать при соблюдении ими соответствующих жестких требований.

Это новый исторический опыт, который мной не предусматривался. Тем более, что в 1989-м меня интересовали не столько перспективы Венгрии, Польши и других социалистических стран, сколько перспективы СССР, об интеграции которого в европейские структуры речь, насколько помню, тогда не шла. А о том, какова была роль этого внешнего фактора модернизации, можно косвенно судить и по событиям последних лет в тех же Польше и Венгрии, где даже членство в Евросоюзе и НАТО не смогло предотвратить консервативный откат. Да и трудно продвигающуюся модернизацию Украины, тоже включенную Андреем Николаевичем в успешные три четверти, не могу представить себе без экономического и политического давления Брюсселя и Вашингтона.

Что же касается России, то у меня нет пока серьезных оснований отказываться от старого прогноза. С той лишь оговоркой, что даже перспективы авторитарной модернизации в ней со временем стали выглядеть проблематичными.

Об интеллектуальной суете (2 августа). Спрашивают, почему не отвечаю А. Илларионову на его новые обличения [Илларионов 2018]. Потому, что ответил на его странице в Фейсбуке. Он, правда, на ответы эти не реагировал, но его единомышленники реагировали очень даже темпераментно, а я добросовестно реагировал на их реакции, за что от некоторых из них заслужил даже благодарность [Там же].

А Андрей Николаевич не счел достойным его внимания даже мое возражение относительно обнаруженного им у меня «запроса на диктатуру» не только в 1989-м, но и в 2018 году. Вместо этого он задал мне целых восемь вопросов, семь из которых к текущему состоянию и моему нынешнему якобы «запросу» никакого отношения не имели, но я, тем не менее, постарался на них откликнуться. А восьмой какое-то отношение имел — г-н Илларионов просил пояснить, почему я и в 2018 году не отказываюсь от своего прогноза тридцатилетней давности об авторитарных перспективах страны и еще раз уточнить, в чем именно тот прогноз заключался. Учитывая, что Андрей Николаевич пишет «прогноз», а в виду имеет «запрос» (на диктатуру), и что именно эта моя приверженность прогнозу позволила ему обнаружить у меня сохраняющуюся приверженность авторитаризму, ответил следующим образом:

«Исходный прогноз был насчет того, что экономическая модернизация будет осуществляться при авторитарном режиме. Потом, кстати, узнал, что на год раньше из этой посылки стали исходить Васильев и Львин. В реальности прогноз в итоге подтвердился лишь наполовину: получился авторитаризм без модернизационного потенциала, авторитаризм выживания. И от этой „половины“ у меня нет оснований отказываться. Не тот получился авторитаризм, что предполагалось, но — авторитаризм. Дальше вопрос о перспективах, т. е. во что он может трансформироваться. Пока не вижу субъектов реальной модернизационной альтернативы ему — ни демократической, ни авторитарной. Поэтому при моем мировоззрении остается индивидуальная стратегия — критика режима с демократически-правовых позиций, чем и занимаюсь уже 25 лет. При очень большом желании тут можно, наверное, усмотреть и „запрос на диктатуру“, но то уже не моя проблема. Могу разве что добавить, что другие стра-

тегии, которыми в разное время соблазнялись отдельные люди, надеясь этот тип авторитаризма превратить в модернизаторский, казались и кажутся мне, в лучшем случае, самообманом этих людей» [Илларионов 2018].

Оппонент не отреагировал и на это. Сказал только, обращаясь не ко мне, а к широким читающим массам, что прогноз насчет авторитарной модернизации оказался неверным [Там же], с чем и я спорить не собирался, ибо сказал, как видит читатель, то же самое. При этом Андрей Николаевич на страницах других блоггеров продолжал настаивать на том, что у меня именно «запрос на диктатуру». Наверное, он считает, что ее еще нет. Или полагает, что я запрашиваю то, что уже есть. Или, что скорее всего (не утверждаю, а предполагаю), ему просто чрезвычайно дорог изобретенный им диагноз, вынесенный даже в заголовок его статьи, чтобы позволить себе от него отказываться.

Пробовал я объясняться и насчет второго упрека г-на Илларионова — относительно того, что и тридцать лет назад речь у меня будто бы шла вовсе не о прогнозировании авторитарной модернизации, а именно о проекте. Ибо прогноз не предполагает апелляции к чьим-то должностям, а у меня были именно они. Странный, мол, прогноз, сопровождавшийся такими словами, как «должен» и «должны». Однако объяснения мои не заинтересовали не только г-на Илларионова, но и солидарных с ним других обличителей моего интеллектуального двурушничества, а потому детализировать их не стал. Если же кому-то это интересно, то дело обстояло следующим образом.

В 1988–1991 годах я написал не один десяток текстов, опубликованных в СССР и за рубежом (последний раз — в обширном докладе, представленном по заказу организаторов на первый международный Сахаровский конгресс), о том, каким может быть модернизация советской экономики и советской политической системы в контексте мирового опыта модернизаций. Чем мотивировалось погружение в эту тему? Оно мотивировалось тем, что ни либерализация коммунистической системы, ни ее последующая дозированная демократизация не открывали перспектив превращения командно-плановой экономики в рыночную. И мировой опыт авторитарных модернизаций наводил на мысль, что без авторитарного лидерства не обойтись и в СССР. Что подтверждалось потом и реальным ходом событий — Горбачев, в конце концов, пошел на учреждение президентского правления, а потом запросил себе (и получил) дополнительные полномочия. Но это ничего ему не дало, так как и время было упущено, и на выборы президента населением он не решился, а легитимность, полученная от консервативного большинства Съезда народных депутатов, не освобождала его от зависимости от них.

Однако в августе 1989 года все это было еще впереди, а текущая ситуация, в которой горбачевская демократизация не обнаруживала политического потенциала для экономического реформаторства, рисовала перед мысленным взором предстоящую модернизацию авторитарную. Да, но откуда тогда упоминавшаяся императивная интонация? Откуда все эти «должен» и «должны», с прогнозным жанром слабо сочетаемые?

Они от неряшливости устной речи, сохранившейся в печатном тексте, — меня не было в Москве, и он был опубликован без моей авторизации, о которой договаривались. И еще от редактирования ради сокращений стенограммы многочасового разговора. Если я, например, говорю, что поведение людей, пребывающих в определенной ситуации, не соответствует требованиям этой ситуации и декларируемым ими целям, и потому они вынуждены будут свое поведение скорректировать, то я прогнозирую. А если вместо этого ради краткости подставляется «люди должны», то я проектирую и призываю. Вот примерно так и получилось. Не единственный, кстати, раз. Был случай с журналом «Вестник Академии наук», куда я предоставил в те же времена статью на эту же тему, а в опубликованном варианте обнаружил, что прогнозная конструкция одной из фраз заменена на повелительную. Наученный уже

печальным опытом, настоял на том, чтобы в следующем номере журнала появилась поправка.

Андрей Николаевич вычитал в моем ответе на его первый текст сожаление о том, что он почти тридцать лет спустя воспроизвел мою старую публикацию. Сожаление он опять-таки придумал, но удивление было. Потому что три десятилетия назад все это несколько месяцев обсуждалось в той же «Литературной газете», и в дискуссии участвовал не только Леонид Михайлович Баткин, статью которого г-н Илларионов в помощь себе тоже счел полезным воспроизвести [Баткин 2018], но и я, Баткину и многим другим отвечавший. Кстати, Леонид Михайлович, отличающийся большим, чем Андрей Николаевич, вниманием к взглядам оппонентов, не мог не обратить внимание, что я предусматривал для себя и оппозицию к прогнозируемому авторитаризму. Это вызвало у Баткина насмешку: мол, из подполья я что ли собираюсь оппонировать? Но прошло время, и оказалось, что самому Баткину не понадобилось перебираться в подполье, чтобы публично обличать режим Путина, который с полным на то основанием считал авторитарным. Я полагал, что не понадобится и при Горбачеве.

Мне неохота все это писать. Реагируя на чужую суету и томление чужого духа, невольно впускаешь то и другое в себя. Человеку зачем-то понадобилось на основании нескольких неуклюжих словесных конструкций в интервью тридцатилетней давности и двух сегодняшних непонятых фраз сделать из другого человека глашатая диктатуры. Возможно, чтобы рельефнее оттенить свою собственную демократичность, возможно, для чего-то другого. А писать приходится, ибо кому-то эта суета кажется интеллектуальным проникновением в нечто важное и чуть ли не основополагающее, кажется обнажением фундаментальной проблемы, между тем как все проблемы в этом только топятся.

Топится задним числом проблема 1989 года, которая заключалась в том, что частичная демократизация советской политической системы не стала сильнодействующим стимулом для глубокой экономической модернизации. Топится и проблема сегодняшняя, которая в том, что в обществе нет субъектов ни демократической модернизации, ни авторитарной. А потому и нет ничего менее содержательного, чем пафосно агитировать за одну из них против другой, как будто страна реально находится перед таким выбором.

Со временем стало очевидным, что его, выбора этого, и 30 лет назад, скорее всего, не было. Советский Союз оказался тогда перед необходимостью радикальной модернизации, однако в мире не было до того прецедентов преобразования тоталитарных и одновременно имперских систем, не испытавших военного поражения, в системы демократические. Поэтому зря я искал когда-то ключ к реформации страны в мировом опыте. В 1991-м коридор возможностей был приоткрыт территориальным распадом империи, но вскоре выяснилось, что в ее ядре, т. е. в Российской Федерации, прежняя проблема воспроизвелась в обновленном виде. И тоже как уникальная. Выяснилось, что не только тоталитарная и имперская, но и посттоталитарная и одновременно постимперская система с унаследованной имперско-державной инерцией и ядерным оружием внутренними мотивациями и волевыми ресурсами для глубокой и последовательной модернизации не располагает.

Вот же в чем проблема, и я благодарен Андрею Николаевичу за представленный повод еще раз ее обозначить. Признаюсь, что ощущаю слабость своей мысли перед ее неподатливостью. То и дело ловлю себя на спонтанном желании от нее увильнуть. Но, слава Богу, соблазн прятать от публики свою умственную малость в звонкой либерально-демократической риторике и в критике авторов старинных текстов пока меня не посещает.

От «государства-армии» до «государства-рынка» (5 августа). Дискуссия с А. Илларионовым о тексте тридцатилетней давности спонтанно переросла в разговор о горбачевской перестройке. О том, с чего и как все начиналось, почему начавшееся продолжалось так, как продолжалось, и завершилось тем, чем завершилось. Пять лет назад этими или примерно

этими вопросами задалась редакция журнала «Гэфтер», опубликовавшая на эту тему ряд материалов. В том числе, и большое интервью со мной [Клямкин 2013]. Возможно, в контексте возникшей дискуссии оно кому-то будет интересно.

— **Мы у себя на «Гэфтер.ру» говорили недавно о реинкарнации концептов 1980-х годов, идей времен перестройки...**¹⁰

— Да, я в курсе.

— **И как вы оцениваете итоги дискуссии?**

— Мне было бы интереснее побеседовать не о «реинкарнации» перестроечных идей, а о том, почему они воплотились в то, во что воплотились. Есть ли связь между ними и той политической реальностью, которая существует в России сегодня? Надеюсь, что в ходе беседы мы к этому вернемся. Но начать можно и с «реинкарнации».

Если говорить о власти — а перестройка была инициирована властью, — то возрождать горбачевский лозунг «Больше социализма!» в Кремле вроде бы не собираются. Теперь оттуда исходит призыв «Больше патриотизма!» Между ними есть различие: первый — реформаторский, второй — «подмораживающий»; первый предполагал ослабление диктата власти над населением, второй означает его усиление. И есть сходство: оба они утопические, оба апеллируют к прошлому и импульса развития не содержат. Что касается общества, то преемственность, хотя и не осознанная, с горбачевскими временами есть: в нем мы наблюдаем примерно тот же набор политических идей, что и в 1980-е...

— **Давайте поговорим об этих идеях. Михаил Геллер писал в перестроечные годы, что бессмыслен лозунг «Больше социализма!» в обществе, которое не знает, социалистично оно или нет. Почему в 1985-1991 годах постоянно вставал вопрос о «реальности» советской практики? Больше того, появилась довольно экзотическая для западного слуха формула «реальность реальности» вместе с дискуссией о том, «насколько реальна наша реальность». Чем бы вы это объяснили?**

— Чтобы тогда дискутировали на таком языке, что-то не припомню. Это сегодняшний язык, пытающийся преодолеть отсутствие языка для описания и понимания постсоветской экономической и политической жизни. А что было в то время? В то время спор шел о том, правомерно ли советский общественный строй называть «реальным социализмом», как стал он именоваться в брежневскую эпоху. Интеллигенты-шестидесятники полагали, что он хоть и «реальный», но никакой не социализм вообще, так как идеалам Маркса и Ленина не соответствует. Несколько лет ушло на споры по поводу адекватного термина, пока сознание не адаптировалось к «тоталитаризму», поначалу вызывавшему настороженность. Но Горбачев заходит так далеко в ломке официального языка позволить себе не мог.

Инициатор перестройки соглашался с тем, что «реальный» социализм исходному замыслу не соответствует, и что в этом смысле он не совсем реальный. В том смысле, что идея социализма реализована в нем не полностью, а лишь частично и с большими искажениями. Поэтому надо сделать реальной саму эту первоначальную идею, надо вернуться к Марксу и Ленину. Отсюда и «Больше социализма!». Он есть, он состоялся, однако был деформирован, и задача в том, чтобы вернуть ему его собственную форму, наполнив ее и изначально присутствующим ему содержанием.

Все это сегодня может вызвать снисходительную улыбку, да и тогда от Горбачева многие его бывшие сторонники постепенно отходили. Но вообще-то он действовал в логике, соответствующей природе любой реформации — Лютер тоже ведь апеллировал к исходным библейско-евангельским текстам. Другое дело, что не все основополагающие идеологические тексты содержат в себе реформаторский потенциал.

¹⁰ Вопросы задавали Ирина Чечель и Александр Марков.

— **Был ведь еще и замечательный тезис об исторических «преимуществах социализма» относительно капитализма...**

— Это из доперестроечного словаря: «Соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства», как говаривал Леонид Ильич. Горбачев от таких словесных конструкций отходил. Он вообще перестал жестко противопоставлять две общественные системы, отказавшись распространять на их отношения идею классовой борьбы и заявив о наличии объединяющих их «общечеловеческих ценностей». Но при этом продолжал настаивать на том, что социализм остается (и будет оставаться впредь) исторической *альтернативой* капитализму.

Многим, очень многим отличался он от предшествовавших советских лидеров, но в данном отношении сохранял с ними преемственную связь. А от досоветских и постсоветских руководителей он, с этой точки зрения, отличался тем, что альтернативность видел именно в социализме. Когда Путин говорит сегодня о России, как «государстве-цивилизации» или даже как об «уникальной цивилизации», то это ведь в той же логике самодостаточной альтернативы, только не капитализму, а Западу.

Кстати, не устаю удивляться, слыша разговоры о том, что Горбачев, а вслед за ним Ельцин насаждали в стране западные политические институты. Неужели можно считать таковыми съезды народных депутатов СССР и РСФСР? Какое-то время назад я присутствовал на конференции, где выступал Вадим Медведев, бывший член горбачевского политбюро. И он признался, что поначалу не понимал, как вписываются такие съезды, наделяемые огромными полномочиями, в политическую теорию и практику демократических стран. Есть, мол, парламентские республики, есть президентские, а тут что-то такое невиданное. Но Михаил Сергеевич его убедил, что это возрождение раннесоветской традиции съездов советов и, тем самым, возвращение к исходному социалистическому замыслу.

Я не собираюсь сейчас оценивать сделанный тогда выбор и предаваться задним числом бессмысленным рассуждениям о том, мог ли он быть другим. Но если мы хотим разобраться в том, почему пришли туда, куда пришли, то давайте осмыслим или, точнее, переосмыслим первые шаги по этому пути. Переосмыслим то, в чем сами участвовали, в большей или меньшей степени разделяя иллюзии и заблуждения времени, отдадим себе отчет в собственных самообманах. Это я не кому-то, а себе, прежде всего, говорю. Ну и еще тем, кто видит корень всех бед в искусственном насаждении в стране западных политических институтов. Не было этого, а был выбор особого пути к особой цели. Такие институты не насаждались ни при Горбачеве, ни при Ельцине: Конституция 1993 года, узаконившая в стране систему политической монополии, аналогов в западном мире не имеет.

— **Вы сказали, что нынешняя власть возрождать перестроечные идеи не будет, а возрождать их в обществе, как мы поняли, нет необходимости. Просто потому, что они никуда не исчезли. Так?**

— В какой-то мере они присутствуют и в дискурсе власти. Хотя и в других комбинациях и с другой расстановкой акцентов...

— **Сейчас вроде бы от нее ничего сопоставимого с идеологемой «социализма с человеческим лицом» не исходит.**

От Кремля не исходит, но у него есть помощники в виде как бы оппозиции, работающие на этом идеологическом поле. Почитайте хотя бы программу «Справедливой России».

А преемственность с этой идеей в обществе просматривается еще отчетливее. Снова обращаю ваше внимание на то, что не только Горбачев, но и более радикальные, чем он, интеллигенты-шестидесятники апеллировали к прошлому. А именно — к представлениям о социализме Маркса и Ленина и раннесоветской политической практике, противопоставлявшейся сталинской. И этот идеологический дискурс, восходящий к доперестроечным еще време-

нам, к «Новому миру» Твардовского, никуда не делся и сегодня, им по-прежнему руководствуются представители левой оппозиционной интеллигенции и левые политические группировки.

К прошлому апеллировали и сторонники другой тогдашней идеи — имперско-державнической, причем не только в ее откровенной или завуалированной сталинистской версии, но и в версии православно-почвеннической, вдохновлявшейся прошлым досоветским, докоммунистическим. Обе они в той или иной степени были сращены с русским национализмом, хотя, как правило, и не афишировавшимися. Власть, понятно, звучание первой версии приглушала, а вторую не акцентировала, но я все же напому о санкционированном ею громком праздновании тысячелетия крещения Руси. Ну а теперь мы наблюдаем широкое распространение этой идеи в самых разных ее проявлениях. В том числе, и в такой комбинации советскости и почвенничества, как у православного коммуниста Геннадия Зюганова и его сторонников. Или — в не столь явном виде — у бывшего чекиста Владимира Путина и его приверженцев, причем опять же не только во властных структурах, но и в обществе. Но и эти гибриды не сегодня ведь родились. Если вспомнить идеологический пафос таких журналов, как «Наш современник» и «Молодая гвардия», причем не только в перестроечный, но и в доперестроечный период, то там неприятие коммунизма и идея возвращения к «почве» всегда сочетались с установкой на сохранение достигнутого Советским Союзом военно-державного статуса.

А третья идея была европейской, западнической. И она тоже присутствовала не только в обществе, но и в коридорах власти, что проявлялось не только в публичной риторике, но и в практической политике. В отмене цензуры, освобождении политзаключенных, альтернативных выборах, использовании парламентских процедур. Но все это дозированное западничество официально таковым не провозглашалось, а провозглашалось органикой социализма, утверждением его подлинной природы, в предыдущие периоды искаженной. А более последовательное западничество, идущее из общества, поначалу, пока были силы, властями жестко отсекалось, как отсекается и сегодня. С той лишь разницей, что в перестроечные времена оно отсекалось во имя социалистической альтернативы капитализму, а сейчас — во имя патриотизма и ценностей «уникальной цивилизации», которые уже не получается даже внятно сформулировать.

— **Что все же шло из общества? Как выглядела в нем европейская идея?**

— Не очень выразительно она в нем выглядела. Ведь она, повторяю, ассоциировалась тогда с западным капитализмом, что широкого отклика в стране не находило. В том числе, и среди доминировавших тогда в публичном пространстве групп интеллигенции.

Ведь даже пример Швеции и других скандинавских стран, на который тогда любили ссылаться, преподносился как пример «правильного», «настоящего» *социализма*. Какие-то импульсы, свидетельствующие об осознанной европейско-капиталистической ориентации, шли разве что из среды «неформалов» и вышедших на свободу диссидентов. Можно вспомнить и «Демократический союз» Валерии Новодворской. Но движение в этом направлении властями, как я уже тоже говорил, блокировалось. Напомню, кстати, что Лариса Пияшева, опубликовавшая в «Новом мире» нашумевшую статью «Где пышнее пироги?», сочла для себя целесообразным укрыться за псевдонимом. А это, между прочим, уже середина 1987 года. Статья была, напомню, о преимуществах западной свободной экономики перед социалистической в любых ее формах.

Правда, в последние перестроечные годы под влиянием углублявшегося экономическое кризиса и политической борьбы между союзным центром и объявившей о своем суверенитете Российской Федерацией идеологическая атмосфера стала меняться. Идея рынка, освобожденная от идеи социализма, стала выдвигаться в ельцинском окружении и поддерживавших

его общественных группах на передний план. А слово «демократия» — в перестроечном словаре тоже ключевое — приобрело у оппонентов Горбачева антикоммунистический смысл. Но ни с одной из трех идей, мной названных, все это не соотносилось, а как бы над ними надстраивалось. В том числе, и над идеей европейской, которая за все время перестройки не только доминирующей, но и сколько-нибудь влиятельной так и не стала.

Да, многие тогда говорили о «возвращении в цивилизацию», имея в виду цивилизацию европейскую. Но какое конкретное институциональное содержание вкладывалось в эту еще одну апелляцию к прошлому, понять было трудно. Вопросом о том, как такое «возвращение» соотносится с теми же съездами народных депутатов, никто или почти никто не задавался. И вопросом о том, когда именно была в стране европейская цивилизация, и в чем именно проявлялась ее европейскость, не задавался тоже. А спустя некоторое время партия «Выбор России», возглавлявшаяся рыночным реформатором Егором Гайдаром, пойдет на парламентские выборы с изображением на своей эмблеме памятника Петру I. Другого символа европейскости ее приверженцам обнаружить в отечественной истории, очевидно, не удалось.

Так что когда говорят о «реинкарнации» политических идей перестройки, о новом их воплощении, я не очень понимаю, что именно имеется в виду. Целесообразнее, по-моему, говорить о том, чего им не хватало, в чем была их слабость. О том, почему они воплотились именно в то, во что воплотились, и о том, могли ли воплотиться в нечто иное. Учитывая, что все они апеллировали не к западному политическому опыту в его системном качестве, а к отечественному прошлому, к особенностям исторически сложившихся в нем представлений о целях и путях развития.

Из западного опыта заимствовались лишь отдельные элементы, которые интегрировались в инородную им государственную традицию. Да, иногда заимствовали с перебором, и традиция не выдерживала, но потом лишнее отсекалось. И к нынешней исторической точке пришли не потому, что где-то свернули с пути, а потому, что в самом его начале вознамерились сочетать несочетаемое.

— **Но в конце 1980-х обозначился вектор эволюции, казалось бы, никаких откатов не суливший. Интересно упомянутое вами переосмысление представлений о демократии. В начале перестройки многие были уверены, что демократия и социализм тождественны...**

— Да, Горбачев так и говорил: «Больше социализма, больше демократии!» Для него и не только для него это было одно и то же.

— **Кажется, в какой-то из записок в ЦК КПСС была даже фраза о том, что «именно в социализме демократия используется и как средство, и как цель одновременно».**

— Вполне возможно, это было в русле официальной перестроечной идеологии. Но демократия, как вы, наверное, помните, считалась совместимой с закрепленной в советской Конституции, ее шестой статье, политической монополией коммунистической партии. Пафос отмены этой статьи и консолидировал тогдашнее протестное движение, обретавшее отчетливо выраженную антикоммунистическую направленность.

— **То есть постепенно все же первоначальное толкование демократии, как демократии советской — не у всех, кстати, одинаковое, — стало успешно оспариваться с позиции демократии либеральной. Как и почему произошел этот поворот?**

— Да не было же его, поворота к либеральной демократии! А что было? Было перерастание обществом горбачевской идеи «социалистического плюрализма», исключавшей из публичной дискуссии все, что покушалось на устои советского строя. А именно, все, что касалось трансформации социалистической экономики в рыночно-капиталистическую и покушений на политическую монополию КПСС. Но постепенно выяснялось, что улучшением жизни перестройка не сопровождается, что проблемы не решаются, а усугубляются. Есте-

ственно, что разбуженное общество не могло на это не реагировать и стало прорывать очерченные для него границы плюрализма. Его можно было остановить только силой, но это символизировало бы в глазах страны и мира крах самой перестройки.

Так произошел поворот, о котором вы говорите. Сильным стимулом для него стало и падение Берлинской стены, сопровождавшееся демонтажем социализма в странах Восточной Европы. Но был ли то поворот к либеральной демократии?

Нет, таковым он не был. Слово «либерализм», насколько помню, в публичном политическом дискурсе времен перестройки не фигурировало вообще, а если иногда и использовалось, то лишь применительно к экономике. Социалистической демократии была противопоставлена не либеральная демократия, а демократия без сопроводительных прилагательных. Но каким смыслом она наполнялась?

Противоборство «демократов» и «коммунистов», которым отмечен последний период перестройки, ничего либерально-демократического, повторю, в себе не несло. Демократия вместе с рынком выступала лишь оборотной стороной антикоммунизма, позволявшей выглядеть ему позитивным политическим идеалом. Она выступала в роли некоего абстрактного Должного, присущего всем утопиям, что позволяет им не обнаруживать свое реальное содержание. Со временем, правда, оно обнаруживается в том, что Гегель назвал «иронией истории»: это когда люди действуют во имя какой-то высокой цели, а результатом их действий становится нечто совсем другое. Но такова судьба всех абстрактных целей-утопий. Что такое либеральная демократия? Это, как известно, демократия конституционно-правовая. Но кто в ту пору думал о праве? Кто считал правовое государство целью преобразований?

Люди думали о том, у кого следует отобрать власть, и кому ее передать, а не о том, в соответствии с какими институционально-правовыми принципами она должна быть устроена. О каком повороте к либеральной демократии можно вести речь, если и после распада СССР в России был сохранен съезд народных депутатов? Все это я и имею в виду, когда говорю, что европейская политическая идея не только во власти, но и в российском обществе в годы перестройки корней не пустила, как не пустила их и потом.

— **Ключевое слово в словаре перестройки — «норма», главный ориентир — «нормальная страна». Причем нормативность далеко не всеми понималась, как «возвращение к ленинским нормам», многие вкладывали в нее как раз европейский, западный смысл. Довольно быстро возник и такой поворот: там, на Западе — «норма», а у нас в СССР — сплошь «патологии». В исторической монографии Кэтлин Смит остроумно описана эта вдруг вспыхнувшая в советском обществе тяга изъясняться медикалистским языком. Общество «изболелось», у него «незаживающие раны», «так жить нельзя», «метастазы» застоя нестерпимы. Правда, потом, в конце 1990-х, этот дискурс быстро перестает играть первую скрипку, но в последнее время он появляется снова. Что вы об этом думаете?**

— Я думаю, то было томление по иной жизни, выраженное опять же в абстрактной идеальной форме. Мы больны, у нас «патология», а у них «норма». И хорошо бы и нам излечиться, стать, как они. Но при этом никакого представления о потребных для того лекарствах, то есть государственных институтах, обеспечивающих «нормальность», не было. То не было, говоря иначе, представлением о норме в ее *правовом* измерении.

Такое представление не сложилось и после того, как в конце 1980-х власти объявили курс на создание «социалистического правового государства». В стране уже началось реальное политическое противоборство «коммунистов» и «демократов», и курс этот не без оснований воспринимался как попытка сохранить гегемонию компартии посредством текущего законодательства, ограничивающего политические возможности ее оппонентов. Однако к тому времени, если память мне не изменяет, и язык, о котором у нас речь, был уже этой

борьбой вытеснен, то есть гораздо раньше, чем вы говорите. Притом, что и ее цели, как я уже говорил, тоже выражались и воспринимались предельно абстрактно.

Не способствовали возрождению этого языка и последовавшие затем рыночные реформы. Наоборот, многие стали склоняться к мысли, что зря погнались за чужой «нормой», она оказалась для нас не пригодной, не задумываясь о том, что «норма» эта соединялась с тем, что как раз и превращало ее в новую «патологию». Ну, а если сейчас этот язык возрождается, то значит мы просто ходим по кругу.

— **Но был еще и другой язык — так сказать, метафизический. Он-то откуда брался?**

— Поясните, о чем вы.

— **Вот, скажем, Александр Яковлев в 1986 году пишет, что не может подобрать термин, который точно охарактеризовал бы советскую систему. Это, мол, нечто вроде каинизма и Иудина греха. Недурственные термины в устах политика? Или вот речь Горбачева: «К рынку — с чистой совестью!» Или официальные призывы к «покаянию»... Кстати, и ваше прогремевшее заглавие «Какая улица ведет к храму?» — тоже пример метафизической речи. Откуда это все вдруг?**

— Ну, насчет метафизичности — в смысле устремленности к трансцендентному — я не уверен. Метафизичность — это когда о «загадочной русской душе». Или о «народе-богоносце». Или о мистической сущности отечественной государственности... Но люди, так или иначе причастные к перестройке, на таком языке не изъяснялись. Это державно-имперско-почвеннический дискурс, и он до сих пор живет и здравствует.

А то, о чем вы говорите, — оценочный язык морали в его приложении к политике с заимствованиями из религиозных текстов и практик. Когда дело касается исторически изжившей себя реальности, он, по-моему, вполне уместен. Этическое начало доминировало в диссидентском движении, жить не по лжи призывал Солженицын. Однако такой язык в речах и статьях политиков-реформаторов может свидетельствовать и о другом. Он может свидетельствовать о затруднительности для них рационально описать и то, что подлежит реформированию, и то, чем его предстоит заменить. Или, говоря иначе, об отсутствии у них собственно политического проекта. Горбачевская перестройка изначально и была такой перестройкой без проекта.

Понятно, что по мере ее развертывания и нарастания непредвиденных проблем и конфликтов язык моральных оценок и идеалов все меньше способен был этот дефицит проектности компенсировать. И он постепенно из публичного пространства уходил. Однако заменить его было нечем.

— **Проекта не было, но он мог быть?**

— Я в этом сомневаюсь. Коммунистическая система могла быть или радикально преобразована в другую, как в странах Восточной Европы и Балтии, или рухнуть под воздействием отторгаемых организмом инъекций, не оставив достаточных предпосылок для такого преобразования и после обрушения. Горбачев, повязанный своими первоначальными обещаниями и ослабленный впоследствии натиском политических оппонентов, по первому пути пойти не мог, даже если бы очень хотел. Он начал перестраивать систему, которую нельзя было не перестраивать, но нельзя было и перестроить. Если бы он это точно знал, то ничего бы не начинал. Но он не знал, как не знала и страна. Историческая миссия реформаторов неререформируемых систем — прояснить для себя и других то, что без опыта неудач прояснить невозможно.

А все это я к тому, что отсутствие политического проекта преобразований в его институционально-правовых параметрах — первый симптом того, что получится совсем не то, что хочется и ожидается. Язык моральных оценок и идеалов — это тоже язык утопий, которые в

ходе политической реализации окарикариваются до неузнаваемости. Как и упомянутый мной раньше язык абстракций вроде «демократии и рынка». Поэтому когда я слышу сегодня призывы разобраться с «преступной приватизацией» (разумеется, по справедливости) или установить в стране «антикриминальную диктатуру», то понимаю, что более чем четвертьвековой опыт не всем пока пошел впрок.

О том, каким должны быть государство и его институты, чтобы пересмотр приватизации не обернулся очередным беспределом, а «антикриминальная диктатура» — тотальным произволом, думать почему-то не интересно. Я не о том говорю, что вопрос об итогах приватизации надо закрыть навсегда, или что с криминалом и коррупцией, во избежание худшего, следует примириться. Я о том, что апелляция к нравственному чувству сама по себе к излечению социальных недугов не ведет, а его возбуждение может их, в конечном счете, еще и усугубить. Вспомним хотя бы перестроечный моральный пафос «борьбы с привилегиями», в котором была утоплена идея системных изменений, подмененная идеей смены властвующих персон.

В свое время еще Лев Тихомиров — известный монархист, а до того революционер — писал об удивительной российской беззаботности насчет того, как должна быть устроена государственная власть. И эта беззаботность, похоже, все еще с нами. Наше сознание по-прежнему сосредоточено на том, кому эта власть должна принадлежать и что она обязана делать либо переделать, при сознательном либо неосознанном допущении, что ее институциональное устройство существенной роли при этом не играет.

— А что же общество? В нем-то существовал запрос на проектность? Бжезинский на одной из перестроечных дискуссий артистично сокрушался: вместо того, чтобы обсуждать стратегию модернизации, русские часами спорят о советской истории!

— Я тоже вспоминаю, как в 1988-м в составе большой группы соотечественников был на конференции в Болгарии. И болгарские коллеги безуспешно пытались увести нас от разговоров о сталинизме и о том, были ли ему альтернативы. Люди готовы обсуждать лишь то, к чему готовы. Откуда ему было взяться, проектному мышлению?

Но еще интереснее, что его и сейчас нет. Что-то такое существенное уловил, наверное, Лев Тихомиров в нашем менталитете. В нем, с одной стороны, предрасположенность к утопиям, а с другой — негативная реакция на утопизм, проявляющаяся в отторжении проектности как таковой. Надо, мол, идти от жизни, хватит навязывать ей чуждые ей умозрительные схемы. Но что значит «идти от жизни» и куда именно от нее идти, желающих объяснить не находится.

— Может быть, если отмотать пленку назад к перестройке, в том была повинна и власть? Вычерченного проекта у нее не было, но при этом и импульсы, шедшие из общества, ею гасились. Высоко оценивался курс на перестройку только в ее понимании руководством страны, а все сомневающиеся в нем причислялись к «антиперестроечным силам». Помните, как обрушилась газета «Правда» — официальный орган ЦК — на статью Нины Андреевой?

— Нина Андреева призывала вернуться назад, противопоставив перестройке советские ценности в их прежнем толковании. Альтернативного же реформаторского проекта в обществе не было. Об этом сегодня открыто говорят некоторые лидеры бывшей Межрегиональной депутатской группы, объявившей себя тогда оппозицией. А у тех, кто вдохновился идеей «демократии и рынка» и пошел за Ельциным, он был? Я имею в виду не призывы сторонников европейской идеи, на ранних стадиях перестройки от политики отсекавшихся, а потом выступивших в поддержку поощрявшего их нового российского руководства, сделать «все, как на Западе». Я имею в виду институциональный проект государственного устройства. На

этот вопрос много лет спустя исчерпывающе ответил Олег Басилашвили: «Свою задачу мы видели в том, чтобы привести к власти Бориса Николаевича. И мы ее решили».

Это вообще очень интересная тема — российские реформы и российское общество. Александр Корнилов в своем «Курсе истории России XIX века» пишет о том, как после восшествия на престол Александра II общество, будучи настроенным на перемены, очень плохо представляло себе, что и как нужно делать. Оно связывало свои надежды с новым императором, но ни самостоятельности, ни инициативы при этом не проявило, заявки на обеспечение его собственных прав в управлении государством от него не поступало. И после воцарения Александра I, замечает Корнилов, эмоционально-психологическое состояние общества было таким же: всеобщее воодушевление начавшейся либерализацией, все ждут реформ, но каких именно, толком не знают, уповая исключительно на царя. Но разве после прихода к власти Горбачева не наблюдали мы примерно то же самое?

— **Однако было же и солженицынское «Как нам обустроить Россию», был текст сахаровской конституции. Это же альтернативные проекты нового государственного устройства, разве не так?**

— Очень хорошо, что вы об этом вспомнили. Это позволяет нам вернуться к вопросу о «реинкарнации» идей той поры. Точнее, даже не идей, а определенного типа публичного поведения, который в последующие годы воспроизведен не был. Несколько лет назад мне довелось участвовать в очередном Сахаровском форуме. И там одна из панелей как раз была посвящена упомянутому вами проекту конституции. Выступали известные юристы, говорили о достоинствах проекта и его недостатках, отмечали, что во многих отношениях он устарел. Я в своем выступлении попытался перевести разговор в другую плоскость, однако в этом не преуспел.

Вряд ли, говорил я, целесообразно анализировать плюсы и минусы текста Андрея Дмитриевича. Он писался во времена Советского Союза и применительно к нему же, к социалистическому Советскому Союзу. Гораздо важнее, что Сахаров этот проект считал нужным разработать и предъявить обществу, продемонстрировав тем самым понимание той роли, которую играет конституция в установлении правовой государственности. Поэтому и нам полезнее было бы обсудить вопрос о том, насколько соответствует принципам такой государственности Конституция действующая. И, если не соответствует (а многие уже признают, что не соответствует), подумать о том, почему следовать примеру Андрея Дмитриевича — я имею в виду политиков, которые претендуют на роль оппозиционных, — желающих не наблюдается. Ни среди сторонников европейской идеи, ряды которых в последнее время расширились, в частности, за счет национал-демократов, отделившихся от национал-империалистов, ни среди приверженцев других политических идей. Идей, ни одна из которых за время, прошедшее после перестройки, институционально-правовым содержанием так и не наполнилась.

— **Возможно, политические лидеры не ощущают спроса на такого рода конституционные проекты? Кстати, и проекты Сахарова и Солженицына тоже ведь не нашли тогда заинтересованного отклика, причем не только во власти, но и в обществе. Все-речь они не обсуждались, да и рассматривали их не столько как политические, сколько опять же как нравственные проекты...**

— Сейчас общество — я имею в виду его образованный класс — уже немного другое. В 1980-е годы оно видело цель не столько в изменении типа государственного устройства, сколько в смене властевладельцев. И даже когда оно воодушевилось мыслью об отмене шестой статьи советской Конституции, им двигало, прежде всего, желание устранить действующую власть. Разница между сменой власти и институционально-правовой трансформацией

государства сознанием людей не фиксировалось, первое отождествлялось со вторым, а потому и проекты, вами упомянутые, большого интереса у них не вызвали.

А теперь вспомните, что происходило после 4 декабря 2011 года. Чем сопровождалась поднимающаяся митинговая волна? Она сопровождалась тем, что одним из основных в СМИ и интернете стал вопрос о конституционной реформе. И то была не «реинкарнация» перестроечных идей, а идея, для российского общества *новая*. Да, потом вопрос этот широкую аудиторию волновать перестал, но вряд ли можно сомневаться в том, что в случае политического кризиса он будет актуализирован снова. Какая-то часть общества уже понимает разницу между сменой властвладельцев и изменением типа государства. Но каким оно, государство, может и должно в России быть?

Казалось бы, политикам самое время предлагать свои проекты. С тем, чтобы общество узнало, чем отличаются они друг от друга именно в представлениях о желательной государственной системе. Но сегодня в этом отношении все столь же туманно, как и во времена перестройки. И потому я бы предложил говорить не о возрождении и новом воплощении идей тех времен, а о том, что каждую из них хорошо бы довести до политического проекта, до проекта государственного устройства. Иначе мы так и будем пребывать в неведении относительно того, кто из политиков хотел бы видеть в стране политическую систему с царем, кто — с вождем, кто — правовую систему американского типа, кто — немецкого, кто — сингапурского или какую-то еще, в мире не опробованную, а кого вполне устраивает и та, что есть. А будь это все предьявлено, тот же вопрос об утопическом и «жизненном», обсуждаемый на абстрактном языке политической философии, мог бы обрести более конкретные, чем сегодня, очертания.

Все идеи времен перестройки, повторю еще раз, благополучно дожили до наших дней, расслоившись на множество оттенков. Но проектного качества ни одна из них до сих пор не обрела. Поэтому и никакой системной альтернативы нынешнему кремлевскому режиму до сих пор не просматривается. И пока это так, трудно освободиться от ощущения, что мы и сегодня, как четверть века назад, наблюдаем не конкуренцию государственных проектов, а противоборство властвладельцев и претендентов на их место в сложившейся политической системе.

— Вы не любите рассуждать о нереализованных прошлых альтернативах. Но вот недавно Александр Ципко в интервью нашему журналу упрекнул Горбачева в том, что СССР не использовал китайский вариант преобразований. Александр Сергеевич, будучи работником ЦК, этот вариант, означавший сохранение «руководящей роли КПСС», предлагал. Его версия: достаточно было обойтись демократизацией партии, не распространяя эту демократизацию на все общество. Чем не альтернативный проект?

— Не припомню что-то, чтобы Александр Сергеевич такие мысли публично высказывал. Но слышать их мне в то время приходилось — например, от Всеволода Михайловича Вильчека. И я ему говорил, что не очень-то представляю себя такой двадцатимиллионный демократический оазис, живущий по иным, чем остальная страна, нормам. Не укладывалось у меня в голову, что на выборах в парткомы всех уровней будет свободная конкуренция, а на всех прочих выборах люди будут по-прежнему единодушно голосовать за предписанного им единственного кандидата от «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Ведь неспроста же и китайцы этим путем не пошли.

Но и буквальное повторение их маршрута тоже выглядело сомнительным. Непонятно было, как маршрут этот, адекватный («жизненный») для крестьянского Китая с крайне низким уровнем жизни и отсутствием государственной социальной защиты населения, возможен в условиях урбанизированного Советского Союза. В условиях страны со сложившейся

системой пенсий и пособий, с одной стороны, и вытравленной колхозным строем традицией индивидуально-семейного хозяйствования на земле — с другой.

Все это можно было бы обсуждать, если хотя бы задним числом было показано, что следовало делать монополю правившей партии в экономике. И еще было бы сказано о том, до какого момента КПСС способна была проводить инициативную реформаторскую политику, если была способна вообще. Сдается мне, что уже где-то со второй половины 1987 года она не могла ничего, почему Горбачев и пошел на реформу политической системы.

— **Ципко считает, что и в 1990-м было можно.**

— К 1990-му система «руководящей роли» была уже полностью демонтирована, поддерживаясь лишь силой инерции. По-моему, китайский «проект» в СССР, да еще с демократизированной, в отличие от Китая, компартией — ретроспективная утопия.

— **В преддверии нашей встречи мы попросили вас посмотреть это интервью. В нем много чего и в ваш адрес не очень лестного сказано. Не хотите поспорить?**

— Там столько фактических неточностей и смысловых натяжек, что отвечать пришлось бы слишком долго. Не думаю, что сегодня это кому-то может быть интересно. А по существу я ответил Александру Сергеевичу еще в 1989 году в большой статье «Еще раз об истоках сталинизма», персонально ему посвященной. И мяч до сих пор на его стороне: то, что он говорит сегодня, это буквальное воспроизведение его суждений, мной тогда детально разобранных. Как будто той полемики и не было вовсе.

О чем шел спор? Спор шел о причинах утверждения коммунистического режима в России. Мой оппонент полагал, что главная причина — в марксистской идее. Я же считал и считаю, что если идея была воспринята и претворена в жизнь именно в России, а в других странах (в том числе, и на родине этой идеи) существенного влияния на ход истории не оказала, то и причину следует искать не в идее, а в особенностях соблазненной ею страны. На что и обратил внимание Александра Сергеевича в упомянутой статье, равно как и на некоторые особо оригинальные пассажи в его рассуждениях.

Он же тоже не мог обойти широко обсуждавшийся тогда вопрос о том, почему марксизм одержал идеологическую победу не на Западе, как предусматривалось основоположниками учения, а в нашем отечестве. И отвечал новаторски, на уровне философского открытия. На Западе, мол, к XX веку уже вызрели «все объективные и субъективные предпосылки для перехода к тому социализму, о которых писал Маркс», но переход этот там не произошел. Между тем, в России предпосылки эти находились «в состоянии молочно-восковой спелости», однако марксистская идея ее, тем не менее, одолела. Но раз так, то в России, следовательно, наличествовало нечто такое, что превышало совокупную силу объективного и субъективного.

Что же это такое было?

Это, разъяснял мой оппонент, российское «низкопоклонство перед будущим» при «презрении к настоящему», российская предрасположенность к «объятиям с романтической мечтой». Ну вот я и спрашивал, каким образом этот феномен, который не объективный и не субъективный, но сильнее их, вместе взятых, возник именно в данной отдельно взятой стране, и какова его социальная и культурная природа. И еще спрашивал о том, можно ли при наличии такого уникального феномена, восприимчивого к марксистской идее, считать главным «источком сталинизма» все же марксизм, а не этот загадочный феномен. Ответов, к сожалению, пока не получил.

— **Но это интервью возвращает нас к началу сегодняшней беседы. В нем идет речь о том, что в ходе перестройки следовало вместо возвращения к «подлинному марксизму» осуществить «цивилизационную реставрацию», то есть вернуться к ценностям и**

институтам добольшевистской России, обеспечивая преемственность именно с ней. Решиться примерно на то же, что сделали китайцы...

— О Китае вроде бы уже поговорили. К тому же там и марксизм с социализмом всегда были, как выражались коммунистические руководители этой страны, с «китайской спецификой».

— **Да, но сейчас заходит речь еще и о том, что именно эта идея «цивилизационной реставрации», предлагавшаяся Горбачеву, была бы адекватной и для России сегодняшней. Идея, которая, например, у Андрея Зубова, не противостоит идее европейской, а с ней соединяется.**

— С Андреем Борисовичем Зубовым мне приходилось дискутировать об этом неоднократно. В том числе, и в ходе недавнего обсуждения в «Либеральной миссии» проекта конституции, подготовленного группой Михаила Александровича Краснова. Чем интересен предлагаемый Зубовым подход? Он интересен как раз тем, что в нем присутствует институционально-правовое содержание. Предлагается восстановить преемственную связь не со старой Россией вообще, а с теми государственными институтами, которые сложились и действовали в ней в 1906–1917 годах. Интересно и обоснование того, почему это следует делать. Прежде всего, ради придания российской государственности исторической легитимности, ныне отсутствующей. Мол, может быть и преемственность с досоветской Россией, или с Россией советской, или вообще не быть никакой, что и означает историческую нелегитимность самого государства.

Мне кажется, что такая постановка вопроса нуждается в дальнейшем обсуждении. Андрей Борисович берет за образец посткоммунистические страны Восточной Европы, где была восстановлена правовая преемственность с докоммунистическим периодом, включавшая и реституцию собственности, то есть возвращение ее бывшим владельцам. Я не знаю, можно ли это сделать сегодня в России, можно ли сделать легитимным само такое восстановление прежней законности во имя легитимности исторической.

— **В Восточной Европе были все же национальные революции, там говорили о национальном освобождении, а у нас все время настаивали на том, что наша революция — только демократическая...**

— Это тоже существенный момент, но есть и другие вопросы, еще более сложные.

Дело в том, что все происходившее в России, начиная с отречения Николая II, было незаконным. Следовательно, предлагаемое восстановление исторической легитимности предполагает возвращение к институту императора. Далее, вопрос о том, насколько институциональная система бывшей думской монархии лучше и современнее нынешней российской системы. Ведь в этой монархии полномочия царя в отношении парламента были еще более значительными, чем у постсоветского президента. Царь назначал половину состава верхней палаты, а Государственная Дума вообще не имела никаких прав в формировании правительства. В чем же тогда может и должна заключаться преемственность, если и сам Андрей Борисович конституционные полномочия президента считает чрезмерными и выступает за их ограничение?

Перед странами Восточной Европы и Балтии, где в предвоенный период имела место республиканская форма правления, такие вопросы не возникали. А там, где были монархии, преемственность с ними не декларировалась. И во Франции, кстати, республика, установленная после ликвидации монархии, не легитимировалась восстановлением преемственной связи с этой монархией.

Ну и, наконец, предлагаемый способ исторической легитимации означает изъятие из российской истории советского периода, превращение его из бывшего в не бывший. И я опять-таки не знаю, насколько легитимной может стать сама такая легитимация. Как бы то

ни было, мы и в данном случае пока имеем дело с идеей, а не с конкретным институциональным проектом. И потому трудно судить о том, идет она «от жизни» или должна быть зачислена в разряд утопий. Тем более, что сама эта жизнь в ее государственном измерении сегодня такова, каковой еще никогда в России не была...

— **В каком отношении?**

— Российские и зарубежные эксперты, как вы тоже, наверное, заметили, все чаще говорят о том, что «в России нет государства». Но если его нет, то что есть? Ведь все государственные институты — политическая, административная и судебная власть, армия, полиция, службы безопасности — формально наличествуют. В чем же тогда смысл тезиса об отсутствии государства? И значит ли это, что раньше оно было, а исчезло только теперь?

Да, исчезло оно лишь в последнее время. Но результат — это всегда завершение какого-то процесса. Что я в данном случае имею в виду?

В предыдущей беседе с вами...

— **О «затухающей цикличности»?**

— Именно [Клямкин 2012]. Я говорил, если помните, о том, что российская история представляет собой циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада населения.

Милитаризация — это когда управление обществом осуществляется как управление армией, что рельефнее всего проявилось при Петре I и Сталине. Демилитаризация — это когда к «государству-армии» дозировано подсоединяются неорганичные для него элементы правовой законности и индивидуальной экономической мотивации, что происходило в послепетровский и послесталинский периоды (особенно интенсивно как раз в интересующие нас времена перестройки).

Но такие демилитаризации всегда влекли за собой для «государства-армии» неразрешимую проблему. Общество, не знавшее иного понятия ни о государственном, ни об общественном интересе, кроме военного, начинало рассыпаться. Оно застревало в стратегически неустойчивом состоянии, когда прежние государственные устои размывались, а выход в правовое состояние не получался. Он не получался, так как блокировался и сохранявшимся остовом «государства-армии», и непримиримым противостоянием частных и групповых интересов, возникавшим при наложении на этот остов иноприродных ему элементов.

Так вот, если из тупиков послепетровской демилитаризации, прошедшей ряд этапов и растянувшейся почти на два столетия, большевики вывели Россию в новую разновидность «государства-армии», то послесталинская демилитаризация такой перспективы уже не открывала...

— **И не открывает?**

— И не открывает, сожалеть о чем, наверное, вряд ли стоит. У властей не было иного пути, кроме углубления демилитаризации, то есть все большего повышения статуса частных интересов, что вело к постепенной приватизации этими интересами самого государства и привело, в конечном счете, к беспрецедентному распаду военной сверхдержавы в мирное время. На ее защиту не мог быть брошен даже такой традиционный для России стимул государственной консолидации, как военная угроза: ведь общество в годы перестройки убедили в том, что на ядерную державу «никто нападать не собирается».

— **Но были же в стране и сторонники идеи имперской державности, пытавшиеся эти процессы остановить. Почему у них не вышло ничего существенного?**

— Потому что сама идея эта к тому времени выдохлась и мало кого воодушевляла. Перечитайте документы ГКЧП — их экономическое и политическое содержание, мягко говоря, не очень богатое. Упоминаний о коммунизме там уже не было, но и идеологической альтернативы ему не было тоже.

А после распада СССР демилитаризация, бывшая дозированной даже при Горбачеве, пошла так далеко, как никогда прежде. Вместе с переходом от плановой экономики к рыночной и возрождением института частной собственности (с сопутствующей приватизацией собственности государственной) происходил демонтаж и самого остова «государства-армии». Государства, устойчивость которого поддерживалась привилегированным хозяйственным статусом военно-промышленного комплекса и столь же привилегированным социальным статусом людей с погонами. И еще издавна присущим этому государству военным принципом служения, в советские времена именовавшегося «беззаветным».

Ну а в итоге демонтажа этих устоев случилось то, что не могло не случиться в ситуации, когда не было даже проекта иного государственного устройства, основанного на альтернативной «беззаветному служению» идее права. Случилась замена «государства-армии», где вместо закона приказ, «государством-рынком», где вместо закона нелегальная сделка. Или, говоря иначе, произошло превращение политиков и чиновников в бизнесменов, в теневых торговцев услугами, цены на которые определяются масштабом этих услуг и статусом продавца в политической либо бюрократической иерархии. Но это ведь и означало исчезновение государства, которое по самой природе своей не предназначено для игры на рынке, где конкурируют частные интересы и действует принцип личной выгоды.

Я не стану сейчас останавливаться на том, как это «государство-рынок» функционирует. Скажу лишь о том, что в лице своих представителей оно продает свои услуги, будь-то возможность воспользоваться каким-то узаконенным правом или получить право не узаконенное, не только тем, кто в это «государство» не входит. Оно представляет собой и рынок внутри самого себя, где конкурируют, борясь за монополию, ведомства и кланы, представители каждого из которых могут выступать и продавцами, и покупателями. И еще, наверное, надо отметить, что в «государстве» этом, наряду с куплей-продажей, можно обнаружить и более архаичное обогащение посредством грабежа, когда гражданская и силовая бюрократия действуют в союзе с криминальными структурами.

Вы скажете, возможно, что оно все же выполняет и определенные собственно государственные функции. Да, выполняет. Но делает это все хуже и хуже, потому что не они определяют его природу. Его природу определяют рыночные принципы.

— **Но это все же не замкнутая система. Она не мыслит себя вне глобального контекста, она является глобальным игроком.**

— На внешних рынках она способна играть и по правилам. Советский Союз тоже их соблюдал. Но когда иностранный бизнес приходит в Россию, ему приходится считаться со здешними порядками. Кстати, на днях вот прочитал, что французский бизнес по этой причине в Россию не идет. А немецкий идет гораздо охотнее, он готов с «государством-рынком» сотрудничать. И не только, кстати, немецкий.

— **И чего же можно ожидать в дальнейшем? Какую роль при таком положении вещей могут сыграть альтернативные институционально-правовые проекты, на отсутствие которых вы сетуете?**

— Шансов воплотиться в жизнь у них, какими бы они ни были, сегодня нет. Они обречены быть политически не реалистичными. Но что сейчас реалистично? Любой из лозунгов, выдвигавшихся протестным движением не реалистичен тоже. Как и сколько-нибудь серьезный успех оппозиционных партий на выборах любого уровня. Власть достаточно сильна, чтобы позволять себе быть неуступчивой. Но если так, то остается лишь перевод проблемы в стратегическое измерение, предполагающее преобразование «государства-рынка» в нечто системно иное.

Чем может быть это иное? Наверное, тем, о чем в перестроечные и последующие годы думали меньше всего. Я имею в виду правовое государство. Если кто-то из политиков счита-

ет, что это утопия, то что тогда не утопия? А если не считает, то придется ответить на простой вопрос: возможно ли такое государство при действующей Конституции, ставящей президента над всеми другими ветвями власти? Отдавая себе при этом ясный отчет в том, что ответ «да» будет означать всего лишь претензию на замену монополиста-властевладельца собственной персоной. То есть на очередное повторение неоднократно нами наблюдавшегося. Почаще бы, кстати, задавать такие вопросы нашим оппозиционным политикам. А то ведь так и не понятно, каковы их представления о желательном и возможном в России государственном устройстве.

Как бы то ни было, если трансформация «государства-рынка» в государство правовое признается стратегической целью, то за этим и должны следовать рисующие его образ конкретные проекты. Не призывы к созданию таких проектов, которых звучит предостаточно, а сами проекты. И тогда люди увидят, чем отличаются друг от друга в этом вопросе различные политические силы и лидеры и что их роднит. Тогда в обществе начнет развиваться институционально-правовое сознание, до сих пор в России, включая ее образованный класс, крайне неразвитое. Но, в отличие от тех же перестроечных времен, в ней появились, как я уже говорил, и люди, значение институционально-правовых проектов осознавшие. В частности, тех, что касаются конституционной реформы.

Однако от политиков таких проектов не поступает. Если судить, скажем, по Координационному совету оппозиции, предпочтение отдается другим направлениям публичной деятельности. То же самое наблюдается и в оппозиционных партиях. И может получиться так, что в очередную эпоху перемен общество войдет в том же состоянии, в каком входило в такие эпохи раньше. Когда много критического морального пафоса, когда томление по «норме» и другим абстракциям Должного. И когда все надежды на одного-единственного, кто это все обеспечит.

— **Перемены реальны?**

— Сегодня или завтра нет. Но я исхожу из того, что «государство-рынок» подошло к той черте, когда его неспособность обеспечивать социальный порядок и инициировать развитие становится очевидным и для руководителей этого «государства». Проблематичными начинают выглядеть и перспективы его самосохранения. Поэтому преследуются и устрашаются те, кто публично против него и его действий протестует. Поэтому ищутся «духовные скрепы», которые могли бы консолидировать вокруг этого «государства» население. И главной такой «скрепой» выбран государственный патриотизм, апеллирующий к образам «госдеповских» и прочих врагов и военным победам России. Но это есть не что иное, как апелляция «государства-рынка» к образу «государства-армии» при отсутствии присущего последнему мобилизационного ресурса. Или, говоря иначе, к инерции милитаристского сознания. Помните, как Путин на предвыборном митинге читал лермонтовское «Бородино»?

Но руководители «государства-рынка» понимают, похоже, и другое. Они понимают, что «государству» этому угрожают, прежде всего, отпущенные на свободу частные и групповые интересы государевых слуг. Или, что то же самое, угрожает оно само. Поэтому предпринимаются антикоррупционные и прочие меры, именуемые в окол Кремлевских кругах «национализацией элиты». Как это делается? Да так же, как и всегда: одной из силовых структур — в данном случае, Следственному комитету — до определенных пределов развязываются руки в борьбе с чиновничьими злоупотреблениями...

— **Недавний ваш тезис об опричниках...**

— Сегодня я о них вроде не говорил. Но коль уж речь о них, то опричники ведь отличались тем, что и о собственных интересах не забывали. Следователи тоже пребывают внутри «государства-рынка». И, как и любой рынок, этот тоже функционирует по собственным законам, а потому и субъекты, могущие противостоять его стихии, в нем появиться не могут.

И на возрастание рисков у него есть свой, рыночный, ответ: на такое возрастание он реагирует ростом цен на услуги.

Так что впереди у «государства-рынка», скорее всего, большие проблемы, ему вряд ли удастся выскочить из собственной кожи. Рано или поздно выяснится, что патриотические «духовные скрепы», утверждаемые не только посредством государственной и церковной риторики, но и с помощью законов военного положения, не столько скрепляют, сколько разъединяют. Что не столько способствуют развитию, сколько становятся дополнительным блокиратором на его пути. Поэтому может прийти и эпоха перемен. Однако главное не в том, когда она придет и как проявится, а опять-таки в том, в каком состоянии окажется к тому времени российское общество. Проявит ли оно субъектность, необходимую для отстаивания системной правовой альтернативы «государству-рынку» и его милитаристским отечественным предшественникам, — вот в чем вопрос. Это зависит, конечно, не только от того, будет ли оно заранее готовиться к этому институционально-правовыми проектами политиков и интеллектуалов. Но и от этого тоже.

— **А сейчас такой субъектности нет?**

— Сейчас нет.

— **Спасибо. Можно сказать, концовка-интрига.**

Поздравление (24 августа). Дорогие украинские друзья и коллеги, поздравляю вас с вашим праздником.

С верой в вас и ваш национальный разум, его способность одолеть тяготы эпохи перемен, сохраняя верность цивилизационному вектору, намеченному Майданом, не соблазняясь в канун судьбоносных голосований корыстными и безответственными обещаниями благодеяний, посылаемыми силами исторической инерции извне и изнутри.

История вознаграждает стойкость во времена перемен сменной национальной судьбы и наказывает за легковерие откатом назад, не всегда обратимым.

У вас трудный период между сегодняшней 27 и следующей 28-й годовщиной украинской Независимости. Быть может, самый трудный за все постсоветские годы.

Ваши недруги в моей стране ждут, что украинцы, выстояв в войне, споткнутся на избирательных участках, обнаружив неодолимое желание вернуться в «нашу общую историю». В ваших силах сделать так, чтобы они в своих надеждах обманулись.

Еще раз поздравляю с Днем Независимости.

О подчинении и объединении (27 августа). Коллеги сфотографировали и разместили в Фейсбуке мемориальный текст:

«Здесь на берегу реки Шелони 14 (27) июля 1471 года произошла битва между войсками Москвы и Новгорода за объединение разрозненных русских княжеств в единое российское государство».

Язык закрепления в исторической памяти всегдашней исторической правоты и морального возвышения силовой геополитики. В нем подчинение — синоним объединения или освобождения.

О страхе и защитных механизмах системы (28 августа). Едва ли не самое показательное для понимания сложившейся в РФ политической системы — ее взаимоотношения с Алексеем Навальным.

Система боится альтернативного ей вождистского политического лидерства, боится, что оно может получить поддержку в обществе. Поэтому она изолирует его от политики — будь-то участие в выборах или уличных акциях. Посредством замены его безопасной г-жой Собчак с дозволением пользоваться его риторикой либо посредством использования судебных постановлений. И она, система, не боится открыто пренебрегать правовыми нормами и

процедурами, которые этому препятствуют. Исходя из того, что в неправовом социуме ей дозволено все.

Вот и вчера опять посадили Навального на 30 суток за то, что полгода назад организовал протестную акцию (задержать оппозиционера раньше у полиции, мол, не было возможности), дабы не допустить его участия в акции 9 сентября против пенсионной реформы. Адвокатов, апеллировавших к нормам и процедурам, выслушивали, но не слушали – в таких случаях они не для того в суде, чтобы их слушать и слышать.

Я в данном случае не о политической судьбе оппозиционера в системе и не об его перспективах, а именно о системе, об ее реакции на альтернативное вождистское лидерство и ее страхе перед его проникновением в легальное политическое пространство.

О президенте и пенсиях (30 августа)¹¹. Можно сколько угодно ругать российскую политическую систему и взывать к ее замене системой иной, но иного образа, кроме образа проповедника в пустыне или иностранного агента, при этом не обретешь. В ней власть оптимально для себя и, как кажется голосующему теленаселению, с пользой для него разделена между разными ветвями. И что одна из них главная, а остальные подсобные, почти всех устраивает тоже.

Люди полагают, и им это постоянно демонстрируют — в том числе, и на примере пенсионной реформы, что иное только к худу. Дай волю исполнительной ветви (правительству), она будет гнобить население сокращением расходов на него. Дай волю федеральным и региональным законодателям, они будут поддерживать правительство, зависимость от которого ощущают острее, чем от населения. А потому хорошо, что есть еще и всенародно выбранный президент, которому надлежит отечески заботиться не только о казне, но и о тех, кто только от него ждет такой заботливости. И если он решит, что министры и законодатели о госдоходах и расходах думают слишком много, а о народе слишком мало, возбуждая его недовольство, он их поправит. После чего они станут его убежденными единомышленниками, о своих прежних убеждениях забыв, дабы иметь возможность оставаться министрами и законодателями.

Тем более, что он же не отменяет их инициативы, а слегка корректирует, он с ними на одной яхте, куда сам их и отбирал. Просто у него, в отличие от них, еще и другая функция — оберегать эту яхту от чрезмерной качки. И все так и будет с большой постоянной пользой для обитателей всех ее кают и остаточной заботливостью для прочих, пока люди будут такой государственный порядок считать нормой по причине отсутствия в их головах образа порядка иного.

Порядка, при котором их благополучие зависит не от царской доброты, а от них самих и ответственных перед ними представителей на всех этажах и во всех коридорах власти.

Баткин Л. 2018. Мертвый хватает живого. — *Фейсбук*. — 29 июля. — Доступно: <https://www.facebook.com/andrei.illarionov.7>. — Проверено: 5.09.2018.

Владимир Путин вступил в должность... 2018. Владимир Путин вступил в должность Президента России. — *Президент России*. — 7 мая. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>. — Проверено: 5.09.2018.

---

¹¹ 29 августа 2018 г. президент России В. Путин выступил со специальным телеобращением о пенсионной реформе, в котором предложил, в частности, повысить пенсионный возраст для женщин с 55 до 60 лет и предоставить дополнительные социальные гарантии людям предпенсионного возраста. В проекте пенсионной реформы, принятом до этого правительством, поддержанном большинством региональных законодательных собраний и прошедшем первое чтение в Государственной Думе, предусматривалось повышение пенсионного возраста для мужчин с 60 до 65 лет, а для женщин — с 55 до 63 лет.

Вся страна как симфонический оркестр... 2018. Вся страна как симфонический оркестр: в Кремле наградили лучших из лучших. — *Вести.ru*. — 27 июня. — Доступно: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3032544>. — Проверено: 5.09.2018.

Деловой завтрак Сбербанка... 2018. Деловой завтрак Сбербанка. Кто и что сказал. — *Ведомости*. — 25 мая. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/05/25/770728-delovoi-zavtrak-kto-skazal>. — Проверено: 5.09.2018.

До 73 % россиян... 2017. До 73 % россиян назвали пытки и насилие приемлемыми в отдельных случаях. — *РБК*. — 22 мая. — Доступно: <https://www.rbc.ru/society/22/05/2017/591ec22c9a79470661721126>. — Проверено: 5.09.2018.

Егорова А. 2018. Владимир Миняев и чемоданная мафия. — *Новая газета*. — 6 июля. — Доступно: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/06/77061-vladimir-minyaev-i-chemodannaya-mafiya?utm_source=novaya. — Проверено: 5.09.2018.

Зуев Ю. 2018. — *Фейсбук*. — 6 июля. — Доступно: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1905327026431988&id=100008641273453&hc_location=ufi. — Проверено: 5.09.2018.

Илларионов А. 2018а. Две морали. — *Livejournal.aillarionov*. — 2 июня. — Доступно: <https://aillarionov.livejournal.com/1068656.html>. — Проверено: 5.09.2018.

Илларионов А. 2018b. Запрос на диктатуру из 1989 г. — *Livejournal.aillarionov*. — 24 июля. — Доступно: https://www.facebook.com/andrei.illarionov.7/posts/10217674777967913?hc_location=ufi. — Проверено: 5.09.2018.

Илларионов А. 2018с. Запрос на диктатуру из 2018 года. — *Фейсбук*. — 27 июля. — Доступно: <https://www.facebook.com/andrei.illarionov.7>. — Проверено: 5.09.2018.

Илларионов А. 2018d. Ответы И. Клямкина. — *Livejournal.aillarionov*. — 30 июля. — Доступно: https://aillarionov.livejournal.com/1076965.html?utm_source=fbsharing&utm_medium=social#/1076965.html?utm_source=fbsharing&utm_medium=social. — Проверено: 5.09.2018.

Киселев подсказал... 2018. Киселев подсказал способ постановки мозгов на место. — *Вести.ru*. — 24 июня. — Доступно: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3031380>. — Проверено: 5.9.2018.

Клямкин И. 2012. Затухающая цикличность. — *Гэфтер.ru*. — 6 ноября. — Доступно: <http://gefter.ru/archive/6660>. — Проверено: 5.09.2018.

Клямкин И. 2013. От «государства-армии» до «государства-рынка». — *Гэфтер.ru*. — 4 февраля. — Доступно: <http://gefter.ru/journal/politics/page/3>. — Проверено: 5.09.2018.

Клямкин И. 2018. О молве и реальных тенденциях. — *Фейсбук*. — 13 июня. — Доступно: https://www.facebook.com/igor.klymakin/posts/1703597809760673?hc_location=ufi. — Проверено: 5.09.2018.

Кунадзе Г. 2018. Параша от Раша Тудэй. — *Фейсбук*. — 15 июля. — Доступно: https://www.facebook.com/gkunadze?hc_ref=ARQrGjQILqGiZc0T-60qQfNIDV1vgcrnz7x0XEdD_HwbT5B7L4CUAhOzdpyIda-2SPk&fref=nf. — Проверено: 5.09.2018.

Локшин Б. (Boris Lokshin). 2018. — *Фейсбук*. — 4 июня. — Доступно: <https://www.facebook.com/boris.lokshin.9/posts/10156401653354911>. — Проверено: 5.09.2018.

Мовчан А. 2018. 10 тысяч трупов это не шутки, и они на совести обоих государств. — *Обозреватель*. — 13 июля. — Доступно: <https://www.obozrevatel.com/society/10-000-trupov-et-o-ne-shutka-i-oni-na-sovesti-oboih-gosudarstv.htm>. — Проверено: 5.09.2018.

О государевом дворе... 2014. О государевом дворе и казачестве. — Клямкин И. 2014. Год Украины. — *Либеральная миссия*. — 2015. — Доступно: http://www.liberal.ru/upload/files/Annotatziya_2014.%20God%20Ukraini.pdf. — Проверено: 5.09.2018.

Первый день ПМЭФ... 2018. Первый день ПМЭФ-2018. Главное. — *РБК*. — 24 мая. — Доступно: <https://www.rbc.ru/economics/24/05/2018/5b06815d9a79471df6a3b53a?story=5af980859a7947b069a0a9d3>. — Проверено: 5.09.2018.

Познер В. 2018. Познер объяснил «агрессивность» россиян отрывом от советского прошлого. — *Известия*. — 25 июня. — Доступно: <https://iz.ru/759586/2018-06-25/pozner-obiasnil-agressivnost-rossii-an-otryvom-ot-sovetskogo-proshlogo>. — Проверено: 5.09.2018.

Сокуров А. 2018. — *Фейсбук. Остров Сакурова (The Island of Sakurov)*. — 29 июня. — Доступно: <https://www.facebook.com/AlexanderSokurov.spb.ru/photos/a.254777968325753.1073741828.254677675002449/462178360919045/?type=3&theater>. — Проверено: 5.09.2018.

Ципко А. 2018. Сумасшествие как национальная идея. — *Независимая газета*. — 17 мая. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2018-05-17/5_7226_madness.html. — Проверено: 5.09.2018.

Что значит быть патриотом... 2018. Что значит быть патриотом? — *ВЦИОМ. Пресс-выпуск*. — 9 июня. — Доступно: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156>. — Проверено: 5.09.2018.

Яковлев А., Каляпин И. 2018. «К утру все сознаются»: Почему и как пытаются в полиции. — *The Village*. — 3 июля. — Доступно: <https://www.the-village.ru/village/people/city-news/317389-kalyarin>. — Проверено: 5.09.2018.